

Прах херувимов

Евгения Райнеи

Евгения Райнеш
Прах херувимов
Серия «Сакральные
хроники окраин», книга 4

<https://litres.ru/63919586>

SelfPub; 2021

Аннотация

В приморском городке, куда каждое лето приезжает на каникулы Яська, погибает врач-диетолог, в буквальном смысле слова захлебнувшись в стакане воды. В это же время умирает от сердечного приступа молодая девушка, а к Яськиному другу Ларику возвращаются детские ночные кошмары. Он попадает под подозрение в трагических событиях, ведь единственное, что связывает этих несчастных: наколки, которые они сделали в тату-салоне Ларики. И кажется, это не последние жертвы странных обстоятельств.

Книга вышла в конце декабря 2020 (бумажный вариант) в издательстве "Автограф". Дизайн обложки - Евгения Райнеш

Содержание

Глава первая. Глубина Лагуз	4
Глава вторая. Совет трёх и неожиданный визит официальной дамы	21
Глава третья. Мастер слышит знакомую песню	38
Глава четвертая. Еву убивает время	52
Глава пятая. Аида сдвигает сроки	69
Глава шестая. Массажист появляется, но тут же исчезает навсегда	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Евгения Райнеш

Прах херувимов

Глава первая. Глубина Лагуз

– Нет, нет, нет. Нельзя фрукты после четырёх часов, нельзя! Если совсем уже невтерпёж, то только зелёное яблоко. Одну штуку. Только одно зелёное яблоко. Маленькое. Вы меня поняли?

Перед глазами Валентина поплыла большая шаурма. Она одурающе пахла лёгким дымком и огуречной свежестью. Овощи с кусочками поджаренного мяса, завернутые в податливый, но ещё не размокший лаваш. Снаружи его пергамент чуть хрустит, а изнутри смазан прекрасным острым соусом. Лепёшка идеально сложена: в шаурме очень важно правильно завернуть начинку. Иначе всё содержимое внутри лаваша будет распределяться неравномерно и вываливаться. На свежую рубашку или недавно надетые брюки. Валентин никак не мог допустить этого в своих мечтах.

Толстенькая и плотная. Такова его идеальная шаурма. На зубах застенчиво затрепетал пряный хруст огурчиков. – А если клубнику? Клубнику, несколько ягодок, доктор? Я не люблю яблоки...

Пришлось включиться в реальность. Желудок, не полу-

чивший сегодня положенного ему завтрака, отчаянно посылал мозгу сигналы. Упоминание о кислом зелёном яблоке раздражало. Шаурма так и стояла перед глазами. Настолько большая, что заслонила собой корпулентную даму, которую Валентин в данный момент увещевал питаться исключительно правильно и рационально.

– Ягоды способствуют выработке желудочного сока, который стимулирует аппетит. Вместо того чтобы отбить желание съесть больше, он его усилит. Вы можете употреблять клубнику, но с утра и до полудня...

Дама пришла к нему на приём по той же самой причине, по которой к Валентину приходили все остальные клиентки. Она хотела похудеть. Желательно за две недели отпуска. Вернуться такой, чтобы все обзавидовались.

Диетолог посмотрел на даму снисходительно, пациентка потупилась. Все эти женщины, недовольные собой, испытывали комплексы перед Валентином. Высоким и поджарым, как волк ранней весной.

Когда-то, очень давно, мальчик Валя трепетал перед особями женского пола. Они казались ему созданиями неземными, воздушными. Потом всё изменилось. Мединститут и студенческая жизнь не то чтобы превратили Валентина в законченного циника, но избавили от необходимости видеть в каждой девушке неземную фею.

Теперь он точно знал – они, женщины, едят! И отнюдь не нектар с цветов. Тонны колбас, печёного теста, жареного

картофеля и шашлыков, исходящих жиром, литры борщей и килограммы расплавленного сыра, коварно маскирующего под красивым названием фондю...

Диетолог вздохнул и продолжил втолковывать очередной рассекреченной фее:

– Ваш ужин отныне – овощи. Сырые, тушеные или варёные. Кусок мяса...

Перед глазами опять поплыла шаурма.

– На пару? – совсем грустно, но со знанием предмета уточнила пациентка.

– Любого. Мясо можно даже жареное, но на одной чайной ложке оливкового масла. Я составил индивидуальную диету, буду наблюдать за вашими стараниями по снижению веса и следить за состоянием общего тонуса. Дома вам придётся продолжать следовать рекомендациям уже самостоятельно. Если вы серьёзно решили заняться собой, можем проводить он-лайн консультации.

Валентин поставил заключительную точку в своём монологе.

– Самое важное в программе, чтобы вы теряли вес не за счёт уменьшения мышечной массы и воды, а за счёт сокращения жировой ткани.

Клиентка печально оглядела свою жировую ткань, несомненно, требующую сокращения. Она много раз преисполнилась решимости начать новую жизнь, наполненную стремительностью и лёгкостью, но все надежды разбивались о

непреодолимое препятствие: работу в глубоко и широко женском коллективе. Тесно собранные в офисе дамы постоянно поглощали всевозможные тортики, пироги и пирожные. Это называлось «пить чай».

«Питие чая», к которому неизменно прилагалось все вышперечисленное кулинарное изобилие, укрепляло корпоративный дух, но препятствовало сохранению девичьей стати. Дама понимала, что, отвоёвывая свои позиции в бухгалтерии архитектурного бюро, она теряет всяческую надежду на тонкую талию и прозрачный силуэт. Но так хотелось – и того, и другого...

Валентин проводил клиентку взглядом до двери, затем поднялся и зашёл за ширму. Наконец-то расстегнул хрустящую белизной манжету халата, поддёрнул рукав. Свежая табуировка покраснела по контуру и неприятно ныла, внося свою лепту в и без того паршивое настроение.

И черт его дёрнул вчера осуществить эту идею – бредовую и на первый взгляд, и на второй. Глупо было всё, начиная с момента, когда Валентин соблазнился выгодным предложением: подработать в высокий сезон «на югах».

Санаторий находился у самого моря, сияющего сразу со всех сторон и во все окна. Море, раскинувшись до беспредела, голубело бирюзой и сверкало в отблесках солнца, заполняя собой все мысли и проникая в подсознание. Вызывало одновременно восторг, покой и счастье. У всех, кроме Валентина.

Он боялся воды. Всегда, сколько себя помнил. Панически, за пределами разума и способности логически сопротивляться страху. Валентин жил и работал вот уже несколько дней в кабинете с плотно задёрнутыми шторами, за которыми разливалась необъятная жуткая масса. И сколько бы не уговаривал себя просто пройтись по пляжу, так и не смог.

Специалисты объясняли, что аквафобия особенно распространена среди тех, кто хоть раз в жизни тонул. Но Валентин – сколько себя помнил – никогда не подходил ни к одной луже больше и глубже, чем могло вынести его сознание. А довольно известный психотерапевт, к которому Валентин с трудом попал на приём, предположил, что он мог, к примеру, в далёком младенчестве просто поперхнуться водой, купаясь в ванной. И этот момент отложился в подсознании.

Как бы то ни было, здесь, на берегу моря, страх запер Валентина в душевной комнате. Оставлял наедине с казённой прохладой кондиционера, вжимал в кровать и позволял только прислушиваться к весёлым и не всегда трезвым голосам. Они доносились с иного края мира, границу которого Валентин не мог перешагнуть.

Так обидно! Первый раз в жизни он решился приехать на побережье. И не мог уговорить себя даже спуститься к полосе прибрежных кафешек и забегаловок, откуда веяло неприлично замечательной вредной едой.

Жир, капающий с румяных кусков мяса в огонь, подгорая, клубился над многочисленными пляжами, внося свою леп-

ту в ту самую расслабленную атмосферу, за которой и ехали сюда измотанные урбанизацией жители мегаполисов. Запах мяса на дымке перебивался ароматами печёной ванили и корицы: пышных булочек, пропитанных расплавленным маслом с сахаром. Увесистые куски красной рыбы плотно дозревали на решётке над раскалёнными углями. Форель, сёмга, горбуша, кета отдавали в симфонию ароматов таинственную ноту глубины. Где-то там же, в недрах этого кулинарного прибрежного рая, остроглазые, высушенные солнцем торговцы заворачивали тонкие пластинки мяса с овощами в нежные, но прочные пергаменты лавашей.

Уже несколько дней Валентин грезил. Вот он спускается по белоснежной лестнице от санатория прямо к прибрежной гальке, а свежий морской бриз тут же ласково окутывает его. Вот подходит к небольшому ларьку с надписью «Шаурма» и, не торопясь внешне, но сгорая от нетерпения внутри себя, диктует продавцу, что положить на распластанный с готовностью лаваш. Вот он ждёт, пока вожденная им шаурма доходит до идеальной вкусовой кондиции в специальном приспособлении, напоминающим электровафельницу. И вот она у него в руках вместе с заботливо приложенными к пакету салфетками. А дальше...

Рот наполнялся слюной, и диетолог Валентин совершенно терял голову от ярких мечтаний. Он жуёт шаурму, глядя на бескрайние морские просторы, и чайки, парящие в тронутым закатом небе, завидуют ему. Чайки тоже жаждут совершенно

недиетической еды.

Так могло бы быть. Если бы не... Если бы не этот страх.

Как там сказала эта странная женщина в поезде?

«Избавиться от фобии символом-оберегом»

Запечатать свои страхи в тату.

На третий день состояние стало уже невыносимым. Валентин набрал номер, который дала ему старуха, и договорился о встрече. Видимо, он находился в состоянии изменённого сознания, когда слушал и верил тому, что эта странная женщина говорила о запечатывании фобии в тату. И когда машинально взял у неё визитку татуировщика, и когда целый вечер выбирал в интернете подходящий знак. А особенно когда пошёл и набил этот символ.

Руна Лагуз. Совсем небольшая закорючка чуть выше локтя. Как она поможет преодолеть страх воды?

Он прислушался к незнакомым ощущениям и уловил поток. Ветер в течении воды. Движение, несущее субстанцию, и он, Валентин, как часть её, сам – вода.

Вспомнил комнату татуировщика, оклеенную фотографиями. Валентин был далёк и от искусства вообще, а уж тем более от такого сомнительного, как татуаж. Но сила, которую источали стены, покрытые снимками, определённо питалась от творчества. В изображениях знаков, фигур и символов ощущалась тайна. Они казались воротами в иные измерения, приглашающими зайти и увидеть что-то доселе невиданное, испытать ещё никогда неиспытанное.

Хотя сам мастер с необычным, но вполне земным именем Илларион производил впечатление существа несколько рассеянного, но совершенно не inferнального. Длинный, будто принудительно вытянутый неодолимой силой, нескладный, с большой бесцветной головой, которая казалась особенно нелепой на долгом теле. Глаза под белобрысыми ресницами словно полузакрыты, и даже когда мастер, словно гоголевский Вий, с трудом поднимал-таки веки, на его лице оставалось ощущение пустоты. Настолько выцветшими, никакими, были и его глаза.

Говорил Илларион неохотно и отстранённо, постоянно прислушиваясь к чему-то в себе. Как будто каждую минуту в нём, мастере, происходили процессы очень важные, а всё общение с внешним миром только отвлекало его от грандиозных событий в мире глубинном.

Когда Валентин искал салон на узкой улочке, сплошь обвитой неизвестными ему выющимися растениями, он представлял себе огромного, заросшего черными волосами байкера, в клёпках, коже и с татухами по всему телу, не исключая огромные волосатые руки.

Тело Иллариона, судя по бледным, хотя и тронутым постоянным южным солнцем запястьям, оставалось совершенно безволосо и невинно в плане татуажа.

– Лагуз? – впервые он поднял на Валентина бесцветные глаза.

Диетолог кивнул и, немного волнуясь, протянул татуиров-

цику гаджет, на экране которого светилась выбранная им руна.

– Угу, – кивнул мастер, – знаю.

Он отошёл к навесному, древнему, кажется, деревянному шкафу, открыл его, и Валентин увидел столпотворение разноцветных баночек с красками. Это зрелище сразу успокоило его, уж очень напоминало что-то яркое, детское, даже детсадовское. Казалось, что татуировщик сейчас вытащит ещё кисточки и плотные листы для рисования и предложит Валентину изобразить солнышко. Или домик. На выбор.

Ничего этого Илларион, конечно же, делать не стал. Он постоял некоторое время задумчиво перед открытыми дверцами шкафа, выбрал пару баночек. Посмотрел на просвет, хмыкнул. Затем обернулся к Валентину:

– Интуиция?

– Что – интуиция? – не понял Валентин, не отрывающий взгляда от подготовительных действий.

– Руна Лагуз – интуиция в чистом виде.

– Вообще-то я прочитал, что её значение – это вода. Поток воды. А вы хорошо разбираетесь в значении рун?

Илларион, не торопясь, ответил:

– Ровно настолько, насколько нужно для моего дела. Честно сказать, достаточно поверхностно. Но вода, её поток, это и есть внешний символ интуиции. Сонные чувства, фантазии, сны... Алкоголь или какие-нибудь лекарства накануне не принимали?

Валентин отрицательно покачал головой и сел по указанию мастера на стул. Протянул руку.

– Это как-то не очень согласуется с потоком, – растерянно произнёс он.

Илларион уже натягивал перчатки на бледные руки.

– Вода может принимать различные формы, – он говорил всё так же медленно и как бы нехотя. – Смысл руны в том, чтобы согласиться с силой, которая несёт тебя. Готовность принять форму, определённую потоком, а не ту, какую выбираешь сам. То, что кажется подходящим тебе, может идти вразрез с планами мироздания. Глубины интуиции – единственное, на что стоит положиться. Вот об этом говорит руна Лагуз.

Мастер уже наносил перевёрнутую задом наперёд единичку на обработанное антисептиком предплечье Валентина.

– Здесь работы немного, – сказал он. – Предварительная подготовка не нужна. Посмотрите, это то, что вы хотели?

Мастер указал клиенту на большое зеркало, Валентин подошёл к нему, посмотрел на рисунок, утвердительно хмыкнул. На самом деле, ему изначально было всё равно, как будет выглядеть руна. Он никому не собирался её показывать. Главное, чтобы работала.

– Справлюсь «фри хенд», если только вы не захотите набить ещё руны, чтобы получилась вязь. Но предупреждаю: это на вашу ответственность. Я не посвящён в глубинное значение вязи. А сочетания рун – штука опасная. Можно очень

промахнуться.

Валентин, вслушиваясь в жужжание машинки, которая оказалась в руках Иллариона, быстро уведомил мастера, что больше ему рун не нужно. Достаточно одной.

Сейчас руна всё больше ныла и беспокоила. Валентин понимал, что должно пройти время, прежде чем неприятное ощущение утихнет. Но из-за этой глупости раздражало абсолютно всё. Хотелось есть, но в санаторной столовой, на виду у всех, он не мог брать блюда, провозглашённые бесполезными. Как отреагируют нынешние и потенциальные клиенты, если диетолог начнёт лопать жирную котлету с большой порцией картофельного пюре, щедро сдобренного сливочным маслом?

А Валентину, находившемуся в состоянии некоторой раздражительности и капризности, хотелось именно побаловать себя. И даже сама мысль о пережёвывании полезного зелёного салата, которым он питался под многочисленными взглядами, была ему сейчас невыносима.

Голова раскалывалась. То ли от голода, то ли от воспалившейся тату, то ли от безрадостных мыслей.

Валентин взял бластер цитрамона, подцепил таблетку и налил себе воды в одноразовый стакан. Он положил пилюлю на язык. Подумал о том, что всё-таки решится и спустится вечером к морю: проверить, начала ли действовать руна. Сделал глоток.

Горло внезапно передёрнуло судорогой. Валентин, пыта-

ясь преодолеть панику, со всхлипом вдохнул носом. Ничего не получилось. Из открывшегося рта вырвался хрип, тут же превратившийся в рёв. Звук вылетел из диетолога, наглухо захлопнув за собой вход.

Стакан выпал из рук, которыми Валентин схватился за внезапно закрывшееся горло. Вода вылилась на белоснежный халат, промочив его насквозь, до тела. Но диетолог этого даже не заметил. В глазах поплыли зелёные пятна, Валентин согнулся пополам, затем рухнул на пол.

«Ларингоспазм, сейчас пройдёт», – попытался успокоить сам себя.

Но казалось, что вода заполонила его всего, воздух не мог протиснуться в лёгкие. Все кругом стало – вода, и Валентин тоже растворялся в ней и становился жидкостью. Это было ещё ужаснее, чем представлять себя тонущим.

«А ведь ничто не предвещало», – раздался у него в голове издевательский голос.

А другой, не менее странный и не менее чужой, ласково прошептал:

– Не сопротивляйся. Зачем тебе? Откройся потоку, освободи сознание. Не держись за твердь...

Руна опрокинулась на Валентина, цепляя острым краем – загнутым, как у вязального крючка, и потащила за собой в водную бездну. Последнее, что увидел перед тем, как глубина поглотила его: широко раскрытые глаза девчонки, вдруг возникшей откуда-то на пороге кабинета. Вокруг перепуган-

ного лица сияло облако голубых волос.

***

Яська сидела в коридоре прямо на полу, поджав к груди острые коленки, обхватила их руками. Она с неммым вопросом оглядывала снующих мимо деловых мужчин, явно занятых чем-то ужасно важным.

Ей хотелось, чтобы кто-нибудь проявил к ней сочувствие. Всё-таки только что на её глазах умер человек. Смерть она видела впервые в жизни и находилась в состоянии шока. Но сочувствия никто так и не проявил. Её только вежливо, но настойчиво попросили пока не уходить.

Яська рассказывала то одному рассеянному человеку, то другому, как вошла в кабинет и увидела врача, схватившегося за горло. Он хрипел, хрип этот перешёл в рёв. Затем человек в белом халате упал на пол и забился в судорогах. Всё длилось буквально долю секунды, после чего он затих. Яська не знала, что делать в таких случаях, и просто начала громко кричать. Набежали люди. Всё.

Она рассказывала это прилежно снова и снова. Пока около неё вдруг не возникла пухлая, странно-обаятельная в своей некрасивости девица с ярко накрашенным ртом.

– Ты свидетель? – требовательно сказала девица, и, кажется, включила на телефоне диктофон. – Имя. Фамилия!

Люди редко с первого взгляда определяли Яськин возраст. Она казалась старшей школьницей, едва входящей в пору своего рассвета. Но несостоявшейся выпускнице экономи-

ческого факультета перевалило за двадцать. Такая она была вытянутая и тощая, как подросток-переросток, с торчащими локтями и острыми, почему-то всегда поцарапанными коленками. К этому несколько диковатому облику прилагались волосы в форме вечно растрёпанного «каре», которые после неудачной покраски приобрели голубое сияние. Поэтому она привыкла к вечному «тыканью» от посторонних людей. Но сейчас в Яське разыграло упрямство. От усталости, голода, пережитого ужаса и необходимости рассказывать одно и то же разным людям.

– А вы кто? – она поднялась и, всё ещё опираясь о стенку, нагло взглянула в прозрачно-светлые глаза девушки. Подчеркнула вежливое «вы».

Кто-то крикнул:

– Алина, ты скоро? Посмотри, у него на руке татуировка совсем свежая. Закорючка какая-то интересная, кажется, не простая. Может, из секты? Заканчивай уже со свидетелем, она ничего существенного не скажет.

Яська обиделась прямому намёку на свою бестолковость и уставилась, уже противно ухмыляясь, куда-то поверх людей, заполонивших обычно тихий в это время коридор санаторной поликлиники.

– Сейчас, – крикнула Алина и посмотрела на синеволосую девушку с неожиданным пониманием. – Я судмедэкспорт. Первый раз смерть так близко видишь?

– Человек умер, – констатировала Яська, обрадовавшись,

что кто-то наконец услышал тихий голос её души. – Зачем это всё?

Она вскинула руку в сторону суетящихся людей.

– Вижу, – кивнула Алина, – что ты устала и переживаешь, но работа у нас такая. Не ожидаешь, что все тут начнут оплакивать умершего, вместе того, чтобы выяснить, что с ним на самом деле произошло?

– А что всё-таки произошло? – Яське показалось, её голос стал хрипеть, как совсем недавно у умирающего врача. Она непроизвольно схватилась за горло.

– Случай довольно редкий, – доверительно шепнула Алина. – Можно сказать, что буквально утонул в стакане воды. Ларингоспазм. Если говорить профессионально, то синкопальная абтурационная асфиксия. Вот видишь, я тебе все рассказала, что знаю. А теперь ты мне.

Она подмигнула. Как старой и довольно близкой знакомой. И Яська вдруг увидела, что медэксперт – её ровесница. Ну, может, чуть-чуть старше. Совсем немного. Тут же захотелось сплетничать с Алиной об общих знакомых, выбирать джинсовый комбинезон в Н&М, пить холодный молочный коктейль на террасе небольшого кафе. Непременно увитого виноградной лозой или пахучими цветами–граммофончиками.

– Ипомея, – зачем-то вслух сказала Яська. – Я вспомнила. Они называются ипомея.

– Что?! – удивилась гипотетическая подруга Алина.

– Простите... Цветы, которые обвивают беседки, называются ипомеей. Я сейчас вспомнила. Это глупо, да? Просто всё утро голову ломала, как они называются, измучилась, а сейчас вдруг – раз! Словно озарение пришло.

– Бывает... А теперь от цветов перейдём к покойникам. Уж извини...

– Я уже...

– Ещё раз, – терпеливо сказала эксперт... – Итак, имя, фамилия...

– Ясмина. Девятова. Я вообще-то не здесь живу. В гости на лето приехала к маминой подруге. Каждые каникулы у неё провожу. С самого детства.

– Интересное имя, – произнесла эксперт. – Редкое. Никогда не слышала.

– Мама в молодости восточными танцами увлекалась, – тоже непонятно зачем сообщила Яська. – Ясмина – это Жасмин. Восточное имя.

Алина кивнула понимающе.

– Род занятий?

– Я студентка. Только сейчас в академе. По семейным обстоятельствам, – зачем-то добавила она, и Алина опять понимающе кивнула.

– А почему к диетологу пришла? – поинтересовалась она. – Какие проблемы? Лишнего веса у тебя точно нет.

С некоторой завистью пухлая девушка оглядела острые лопатки Яски, обтянутые белой футболкой.

– Дверью ошиблась. Аида обещала договориться, что меня пустят в тренажёрный зал, когда будет сончас. В это время народа немного.

– А Аида у нас кто?

– Я ж говорю: мамина старинная подруга. К которой каждый год приезжаю. Аида тут работает и всех знает. Она же и договорилась, чтобы мне позаниматься на тренажёрах.

– Хорошо. Вот ты зашла... И?

И Яська в который раз повторила, как она зашла и что увидела.

Глава вторая. Совет трёх и неожиданный визит официальной дамы

– Ужас, ужас, ужас, – с выражением произнесла Яська, демонстрируя, какое лицо у неё стало в тот момент, когда она открыла дверь кабинета.

Геру её рассказ явно впечатлил. Он весь подался вперёд, боялся упустить хоть слово. Ни разу не перебил Яську, хотя она зашла уже на третий круг.

По Ларику же было сложно понять, что он думает. Как всегда. Его выцветшее лицо не выражало никаких эмоций. Непроницаемая маска прозрачного взгляда за стеной длинных, но почти невидимых белобрысых ресниц.

– И судмедэксперт сказала, что он в буквальном смысле слова захлебнулся в стакане воды.

– А с чего эксперту тебе докладывать о том, что случилось? – недоверчиво и даже немного разочарованно спросил Гера.

– Не знаю, – пожала плечами девушка. – Всё-таки я последний человек, который видел его живым. Или... почти живым. Вернее, совсем умирающим. Мастер, ну?

Яська требовательно посмотрела на Ларика.

– Скорее всего, она входила к тебе в доверие, – тот нако-

нец-то подал голос. – Я читал, что следователи часто так делают. Чтобы ты расчувствовалась и выложила всё как на духу.

– Что я ещё могла выложить?! – у Яськи вытянулось лицо.

– Например, что держала одной рукой за глотку этого перца, а другой лила ему в горло воду.

– Ты чего? Зачем мне это?

– Из ревности? – предположил Ларик. – Может, ты – брошенная им женщина, от которой он сбежал в наш город. Преследовала его, нашла и... того...

– Я его видела первый и теперь уже точно последний раз в жизни.

Девушка растерялась и даже не поняла сразу, что мастер просто подшучивает над ней. За зиму она отвыкала от его своеобразного чувства юмора. Хотя Яська знала Ларика сто тысяч лет. Каждый июнь, с тех пор как ей исполнилось пять лет, девочку отправляли в этот небольшой приморский город. Семья Ларика жила напротив дома Аиды, маминой подруги юности. Он был привычным атрибутом её жизни, причём именно летним атрибутом, как солнечные очки, купальник и масло для загара. Яська и представить себе не могла каникулы, в которых бы не присутствовал Ларик.

Она метнула в него многозначительный прищур.

– Просто предполагаю, – Ларик под многообещающим взглядом пошёл на попятную. И продолжил уже серьёзно. – Случай, конечно, странный. Я вообще не представляю, как

можно умереть от глотка воды. Ну подавиться там, прокашляться... И всё! А тут... Словно какие-то демонические силы вмешались в человеческую судьбу. Вот и не верь после этого в инферно!

Ларик с Яськой понимающе переглянулись.

Существовало между этими двумя нечто, что позволяло общаться без слов. Изначально они были странными одиночными детьми, поэтому и подружились сразу же, как только почувствовали эту инакость друг в друге. Есть такие дети – с мудрыми глазами, интересные в общении даже взрослым, воспитанные, но почему-то очень одинокие. Им никогда и в голову не придёт попроситься в весёлую компанию, они сторонятся людных мест, глупого пустого шума и бесцельных телодвижений.

А Яська ещё и родилась настолько неуклюжей, что любое её участие в активном действе обрекало это самое действие на провал. Одинокая девочка с нетерпением ждала каникулы, чтобы увидеть своего летнего приятеля. Её мама даже некоторое время боялась, что Ларик – «воображаемый», поскольку читала много научных статей по психологии, и в них говорилось, что такие нереальные друзья выдумываются одиночными детьми. Психологии мама предавалась с такой же страстью, как некогда восточным танцам, из-за которых Яська и получила своё странное имя.

Но Аида рассмеялась в телефонную трубку на мамины тревоги. И завила, что Ларик совершенно реальный, хотя

и похож на призрак: блондин до прозрачности.

Ларик в свою очередь слякотными южными зимами вычёркивал дни в календаре, который так и называл «Яськиным». Он ждал, когда нескладная девочка громко заорёт у него под окнами: «Ларик, выходи!».

Как-то в их тесный дуэт втиснулся Гера. Тогда ещё розовощёкий, круглый и неповоротливый. Трудно было даже представить, что когда-нибудь из этого пухлого увальня вырастет крепкий дылда с глубоким мужским баритоном и блестящими накаченными плечами. И их дружба продолжалась уже много-много лет. С тех пор как они играли в «найди покойника» с дохлой вороной в глубине сада, заботливо ухоженного Лариковой мамой.

Яська, Ларик и Гера. Они втроём каждый вечер устраивались на веранде. Летняя такая компания. Вели беседы, потягивая виноградное вино, которое больше напоминало забродивший сок по сладости и отсутствию характерного алкогольного привкуса.

Вино Ларик делал по собственной технологии, а изабелла обвивала навес над их головами, вызревала, наливаясь соком и их разговорами. В сентябре ягоды винограда можно будет срывать и бросать в рот, не сходя с места. Но до сентября ещё далеко, и Яська не знала, как этот приморский городок выглядит осенью. Когда заканчивались каникулы, она возвращалась домой. Так что срывать виноградные спелые кисти Ларику с Герой придётся без неё.

Но это будет ещё не скоро. Пока стоял один из тех прекрасных вечеров, когда лето уже созрело, но ещё не начало выцветать, перевалившись за середину. Чудесная предзакатная томность разливалась по округе. Мальчишки устроились на плетёных креслах, а Яська – на нагретых солнцем перилах, окружающих веранду.

К их компании сегодня примкнул Тумба – мохнатый, нечёсанный, но очень добродушный пёс неопределённой ласковой породы. Он давным-давно жил на этой улице и сам себя назначил общим любимцем. Ничейным, в смысле независимым.

Хотя на зиму его приглашали то в один, то в другой дом на постоянное место жительства, Тумба понимал, что доля любви, ласки и еды многократно возрастает, если тебя членом своей семьи считает целая улица. И, несмотря на известную истину, что у семи нянек дитя без глазу, псу ни разу не приходилось переживать тяжёлые времена. Может, он от рождения был счастливым, а может... Впрочем, скорее всего именно это первое и самое верное обстоятельство определяло характер его вольной, а вместе с тем сытой жизни. Потому что иного объяснения просто не существует.

Тумба придавал традиционному собранию определенный уютный настрой. Он валялся под тенью изабеллы, щурил заросшие густой чёлкой глаза и лишь иногда предупреждающе ворчал, когда кто-нибудь нарушал чрезмерными эмоциями это спокойное и справедливое течение времени. Яське же

впереди грезилось ещё много-много таких посиделок. Но...

Что-то нависло над небольшим приморским городком этим летом. Девушка почувствовала неловкость ещё на перроне полустанка, где Ларик по той же давней традиции встречал её с поезда. Друг был особенно взлохмачен, встревожен и молчалив. Яська его знала достаточно хорошо, чтобы сквозь внешнюю невозмутимость тут же определить: у Ларика очень даже беспокойно на душе. И эта неосознанная тревога тут же передалась ей, омрачая прекрасные летние дни, которые просто обязаны быть безмятежными.

И предчувствия не обманули. Только-только Яська покрылась первым загаром, как попала в историю, мягко говоря, неприятную.

– Я сегодня вообще ничего не могу ни пить, ни есть, – пожаловалась она. – Пить хочу целый день, но как подумаю о том, что видела, горло сжимается.

И в самом деле даже немного захрипела под конец фразы.

– Немудрено, – сказал Герман.

Он задумчиво вытащил пончик из корзинки. Корзинку Герман целый день таскал с собой по пляжу, предлагая выпечку «бздыхам»-отдыхающим. Пара-тройка оставшихся после трудового дня пончиков ещё болталась где-то на дне. Яська сглотнула слюну: пончики, хоть и испечённые с утра, даже к концу жаркого дня не потеряли товарный вид. Василий Степанович, дальний родственник Германа, приспособивший парня к своему бизнесу, был знатный кулинар.

Яська уже протянула руку за пончиком, как горло опять сжала судорога.

– Теперь я измучаюсь, как Тантал, от голода и жажды, – печально произнесла она. – Окружённая пончиками и лимонадом.

Кивнула на запотевший кувшин, который Ларик только что достал из холодильника.

– Скоро пройдёт, – ободряюще кивнул Гера, и сладкая нежная пудра полетела в сторону Яски.

Она недовольно и демонстративно отряхнулась, но непробиваемый продавец пончиков этого не заметил:

– Этот дядька, который теперь покойник, он же не из наших?

Надкусанный пончик устремился по направлению к Тумбиному блестящему носу, который уже несколько минут красноречиво дёргался. Пёс не просил, но явно намекал. Схватил плюшку прямо в полёте.

Гера никогда не мог отказать Тумбе.

– Насколько я понял, – сказал он, отряхивая жирные пальцы, – его в санаторий пригласил кто-то из начальства поработать на лето.

– Ольга в декрет ушла, – кивнул Ларик. – Прежний диетолог. Она в нашей школе старше меня на три класса училась.

– И что?

– Клиентов мне раньше подгоняла.

– Диетолог?! – Яська не могла понять эту южную «поручу»

аборигенов.

– Ну да. Девчонки у неё на приёме разоткровенничают, подружками станут, о красоте разговоры зайдут. Она им: «Тату, конечно, это на любителя, но, если очень уж невмочь, есть надёжный специалист». И мои координаты давала. Только её «девочки» не входили, честно говоря, в число моих любимых клиентов.

– Почему? – удивился Гера.

– Девушки на диете капризны и непредсказуемы.

– Вот это да! – Яська пришла в полный восторг, – если уж не девушки на диете, то кто тогда твои любимые клиенты? Очень любопытно...

– Конечно же, десантура!

– Парашютики и летучие мышки? – засмеялся Гера.

Тумба, дожевавший пончик, приподнял лохматую голову и пару раз буркнул что-то простуженным басом.

– Ага, – Ларик зажмурил свои белёсые глаза и не то чтобы расхохотался, но стал утробно ухать. – Те, что через несколько лет превращаются в расплзшихся медуз. Они автоматически попадают в ковровые.

– В какие? – не поняла Яська.

– CoverUP. С английского «прятать», – пояснил Ларик. – Перекрытие старого рисунка новым. Некоторые мастера настаивают на том, что нужно перекрывать полностью новым рисунком, и дерут цену в два раза выше. Я же просто стараюсь облагородить это расплзшееся пятно. Странно и необъ-

яснимо, но такие переделки доставляют мне особое удовольствие.

– Вот что ненавижу больше всего на свете, – возразила Яська, – так это переделывать. Легче начать сначала.

– Наверное, – задумался Ларик, – это своеобразное ощущение доминирования. Кредо альфа-самца: позиция, когда ты сверху. Над ситуацией.

По Яське стало очень заметно, что она всё ещё не уловила ход его мысли. Ларик вздохнул и расширил пояснение:

– Кто-то оказался плох, ты приходишь на место лузера и показываешь класс. В сравнении с жопоруким неудачником, выглядишь гением. На самом деле подняться на унижении кого-то гораздо легче, чем создавая что-то новое.

– Почему?

– Про новое сложно сразу сказать, плохо это или хорошо. Нет аналогов. А людям всегда нужны аналоги. Чтобы кто-то провозгласил: «О, гораздо лучше, чем было!». И все вокруг подтвердили. Это даёт гарантию, что не будешь выглядеть дураком. И снимает ответственность.

И тут на лице Ларика появилось выражение, которое друзья прекрасно знали и несколько опасались. Как только прозрачный его взгляд наливался тёмно-серым блеском, это означало, что сейчас мастер тату сядет на своего любимого конька, и вечер сразу станет длинным.

– Кстати, – и в самом деле произнёс Ларик, сверкнув вдруг ожившими глазами. – Честер Ли, дизайнер из Синга-

пура, просто закрашивает весь участок тела с ненужной татуировкой черными чернилами. Это называется «blackout», что буквально означает «затемнение».

– И что? – тоскливо спросила Яська.

– Ничего. Кусок кожи клиента после процедуры выглядит просто закрасненным черной краской.

– А смысл? – Яська не могла представить, что кому-то понравится ходить с черным пятном на руке. Или на ноге. Или с плечами-«чёрными квадратами» Малевича.

Ларик пожал плечами.

– Многим нравится.

– Блэкаут, – повторила Яська.

Скрывать совсем или прятать. Блэкаут или коверап... В чём принципиальная разница?

Мастер вдруг резко повернулся в её сторону.

– А давай мы тебе наколем что-нибудь символическое?

– Ты же мне колол уже, – девушка вытянула худую длинную ногу. На щиколотке, чуть выше стоптанной бежевой балетки сорок второго размера, била крыльями крошечная цветная бабочка.

– Тю, – свистнул Гера, – это ж разве татуировка? Её у тебя совсем не видно.

– Идите вы, – Яська поджала к себе ногу. – Я, может, в манекенщицы пойду. И куда тогда ваши тату дену?

– Есть предложения? – недоверчиво спросил Гера.

Она молча, но гордо кивнула.

– Ты из-за этого из института ушла? – Ларик посмотрел на неё внимательно.

– С этим сложно, – Яська бросила вуз два года назад, но всем говорила, что взяла академический отпуск.

– У тебя на подиуме не получится, – авторитетно заявил Гера.

– Это почему же?

– Ты неуклюжая. И вся... Квадратная такая. Модели, они же неземные, у них в глазах – тайна, а в движениях – томность.

– Вовсе нет, – возмутилась Яська. – Разные они.

– Ну смотри...

Гера соскочил с плетёного шезлонга и прошёл по веранде, виляя бёдрами. Получилось смешно и совсем непохоже на подиумный проход. Они опять все вместе расхохотались. Яська от смеха чуть не упала с перил, Ларик вытирал слезы, наворачнувшие на глаза.

В общей весёлой суматохе они не заметили, как у калитки, утопающей в тени деревьев, возник новый персонаж. Даже Тумба, поглощённый представлением, не обратил на появление гостя никакого внимания. Когда невысокая пухлая девушка с ярко накрашенным ртом поднялась на веранду, друзья с недоумением воззрились на неё, словно увидели призрака. Больше всех была поражена Яська.

– Алина?! – девушка могла представить в доме Ларика кого угодно, но только не судмедэксперта. – Как вы тут?

– Я к вам на веселье пришла, – нисколько не смутившись от всеобщего замешательства, подмигнула сразу всем Алина. В её голосе явно слышались нотки мамы из мультика «Простоквашино». – На заразительный детский смех. Прямо из морга.

– Чем обязаны? – от растерянности галантно спросил Ларик.

Обратился к Яське:

– Это твоя подруга?

– Эксперт, – торопливо пояснила она, увидев, как вытягиваются лица друзей. – Та, из санатория.

– Это я, – всё так же жизнерадостно подтвердила Алина.

Ларик сменил озадаченное выражение лица на задумчивое.

– Да, для пришелицы из морга вы слишком жизнерадостны. И полны сил.

Добавил он, оглядев приятные округлости эксперта. Алина не обиделась, а даже как-то, наоборот, обрадовалась ещё больше.

Но внезапно девушка-эксперт словно схлопнула одним взмахом ресниц доброжелательность и открытость. Яська поразились неожиданной быстроте, с которой Алина меняла не только выражение лица, но и внутреннее состояние.

– Кто из вас Илларион? – уже строго спросила она, в упор глядя на двух юношей.

Ларик поднял две руки сразу с видом человека, сдающего-

ся в плен. И тяжело вздохнул. Он не любил вот так, без предупреждения, взаимодействовать с незнакомыми людьми. Казаться кем-то, кем мастер не являлся на самом деле. Говорить слова, которые он говорить не собирался, но от него их ждали. Совершать поступки, которые ему совсем не хотелось совершать. Любого незнакомца Ларик воспринимал посягателем на его личное, отвоёванное возрастом и положением пространство.

Для мастера было пыткой даже отвечать на улице случайным прохожим, которые обращались к нему. Спрашивали, как пройти, зажигалку, сигарету, десять рублей, которых не хватает на хлеб. Хотя как раз всем встречным-поперечным почему-то казалось, что Ларик курящий, основательный, знающий и добрый. Хотя ни один из этих пунктов не являлся правдой.

– Я к вам как к эксперту, коллега, – Алина обратилась к нему. – По рекомендации.

– Чем могу? – буркнул Илларион. – Татуировочку хотите?

– Может, позже? Когда-нибудь, – пообещала Алина, но всем сразу стало понятно, что никогда она не придёт набивать тату. – Пока просто вопрос. В процессе вашей работы случался когда-нибудь шок у пациента? Например, необычная реакция на краску?

Ларик задумался:

– Шок? Нет, я никогда с таким не сталкивался. По крайней мере мне ничего об этом не известно. Хотя основная

масса моих клиентов – люди, которые тут на отдыхе. Они в конце сезона разъезжаются по домам, я их больше никогда не встречаю. Некоторые, правда, приходят через год-два подновить рисунок. А если говорить в теории... Аллергия, да, бывает. Чаще всего на красные и жёлтые цвета, но это тоже очень-очень редко. Один раз я видел у чувака сильную аллергию от синего «старбрайта». Одно плечо раздуло до габаритов Шварцнеггера, второе осталось прежним, и это был просто мрак. Но он не у меня кололся.

– А у кого? – быстро спросила Алина, бросив взгляд на мобильник, где традиционно горела лампочка «рек», обозначая, что разговор записывается. Когда она успела включить диктофон, никто, конечно, не заметил.

– Самопально где-то, я не знаю.

Ларик поймал вопросительный взгляд честной Яськи и сказал:

– Правда, не знаю. Он просто зашёл ко мне спросить, что с этим делать. Я же не врач, отправил его в больницу и никогда больше не видел. Такая проблема возникает не из-за самих цветных чернил, а при их смешивании. Кто-то самостоятельно миксует сухой пигмент и растворитель, я предпочитаю брать густую краску и разводить её. Но все профессиональные краски гипоаллергенны. А неадекватная реакция – это особенности организма. В конце концов некоторые женщины реагируют шоком даже на покраску волос.

– Да, – задумчиво сказала Алина и почему-то посмотрела

на синюю шевелюру Яськи. – Есть такие... Ну, ладно. Извините за позднее вторжение.

– А вы ещё на работе? В такое время? – вдруг засуетился Гера. Как-то всем сразу стало понятно: он не хочет, чтобы Алина вот так внезапно уходила.

Девушка с удивлением посмотрела на него.

– А у вас разве есть граница, за которой заканчивается работа и начинается другое время?

Продавец пончиков сконфузился и второпях произнёс:

– А давайте я вас провожу? Поздно уже.

Он суетливо подскочил к Алине в полной готовности сопровождать её хоть на Марс. Яська хмыкнула и опустила голову, чтобы уходящие не заметили сарказма. Взгляд её упал на кресло, которое, вскакивая, задел Гера. Из-под кресла показалась небольшая сумочка-косметичка в бело-красную клетку. Даже издалека от «конверта» чувствовалась аура дорогой вещи. Яська подошла ближе. Взяла находку, и незакрытая сумочка явила потёртую на внутренних швах подкладку.

Алина, сопровождаемая внезапным поклонником, уже открыла калитку, собираясь раствориться в быстро наступающих южных сумерках. Яська рванула за ней, прижимая к себе находку и перепрыгивая через ступени веранды.

– Алина, вы забыли сумочку!

Эксперт удивлённо посмотрела на искусственно потрёпанный джинсовый конверт, висевший у неё на плече:

– Это не моя.

– Так, наверное, дамочка одна, блондинистая такая, забыла, – произнёс Ларик.

– Какая дамочка? – обернулась Алина.

Сразу стала похожа на немного раздобревшую гончую, которая сделала стойку, увидев потенциальную добычу.

– Странная такая, – пожал плечами Ларик. – Впрочем, у меня клиентов без тараканов в голове почему-то не бывает. Вы же понимаете, что порядочные домохозяйки и солидные отцы семейств толпами ко мне не заглядывают? Она вытащила из этой сумочки рисунок татуировки, а потом, наверное, забыла положить её в большую сумку. Ну как у вас, женщин, принято: маленькая сумочка в средней сумочке, а та, в свою очередь, ещё в одной сумочке, а та...

– В следующий раз, можно? – прищурилась Алина, словно не спрашивая, а утверждая. – Вы бытоописуете мне жизнь женских сумочек в следующий раз.

Ларик согласно кивнул. Он и Яська, все ещё прижимающая к себе находку, проводили эксперта настороженными взглядами.

– Почему не сказал, что это ты делал диетологу татуировку? – Яська внимательно посмотрела на Ларика, когда Алина скрылась из поля зрения. – Твоя работа, верно?

– А что это теперь изменит? – печально ответил друг вопросом на вопрос.

– Она всё равно узнает, – покачала головой Яська. – И

подумает: тебе есть что скрывать.

– Но мне же нечего скрывать, – пожал плечами Ларик. – Пусть думает, что хочет. Лишь бы больше не приходила со своими вопросами.

Глава третья. Мастер слышит знакомую песню

«Эни, бэни, рики, таки» неслоь вслед Ларику, бежавшему через густую, очень высокую траву. Это был лес, и всё в нём ощущалось невероятно огромным, как не бывает в привычном мире, выглядело так, будто мастер попал в страну великанов. Трава била его не только по ногам, а и по лицу, дотягиваясь до глаз. Хлётко и больно, оставляя жгущие полосы на руках и щеках. Но сильнее боли был ужас перед тем, что преследовало Ларика.

– Эни, бени, рики, таки

Скоро Ползень тебя схватит

Печальное посвистывание сочилось жуткой нежностью, непостижимой человеческому разумению. И эти обещания запредельной ласки нисколько не обманывали. Едва ветер доносил обрывки шипения, ноги сразу становились ватными. Голос парализовал, словно пытался набросить издали мягкое, но беспощадное лассо, обвивал тугим коконом, стреножил. Сквозь сопротивление собственного тела, которое замирало от ужаса, отказывалось слушаться, Ларик опять рвался неизвестно куда, только бы подальше от этого жуткого голоса.

– Буль, буль, буль, кораки, шмаки,

Засвистят с вершины раки

Дерзкий свист залихватски и весело ударил в затылок, чуть не сбил с ног. Словно кто-то попал в голову тяжёлой веткой. Ларик покачнулся, но устоял. И бросился дальше. Этот бег растянулся, кажется, на целую вечность.

Рывок. Соппротивление. Ещё рывок. Ноги не слушаются. Опять рывок. Пробуксовка.

Трава, сквозь заросли которой стремился уйти от погони Ларик, на глазах чернела. Умирало всё живое от смердящего дыхания этого нечто. Оно ползло, шипя и грохоча. Лома-ло огромные деревья, выворачивала непокорных с корнями, сметало всё на своём пути.

– Ноки, роки, риглез, руди

Не услышат криков люди

Мастер и не думал кричать, осознавая безнадежность любых призывов о помощи. Этот мир пуст и безлюден, как в самом начале времён. Один маленький человек и огромное нечто, зачем-то преследующее его.

Нога зацепилась за стремительно умирающую траву. Ларик попытался удержаться, хватаясь за воздух, но колени предательски ослабли, и он рухнул на землю, прямо в горячую золу, которой покрывалось всё, что до этого цвело и благоухало. Взметнувшийся пепел упал на него, сразу запершило в горле, слезами разъело глаза. Чёрными грязными руками Ларик схватился за лицо, пытаясь вернуть нормальное зрение, надавил пальцами на тут же закрывшиеся веки.

– Это будет наш экстаз

Эус, бэус, дэус – батц!

Сквозь пелену пепла медленно проявлялся мир. Перед Лариком, который одной рукой тёр глаза, а другой погрузился в золу, смутно обрисовалась небольшая скрюченная фигура. То, что непонятно каким образом возникло перед упавшим Лариком, преграждало ему единственную дорогу к маловероятному, но спасению. И оно тоже было чудовищным, хотя и зримым. Существо, скорченное под тяжёлым и выгнутым панцирем черепахи и торчащими в разные стороны лапами лягушки. На месте носа выступал острый загнутый клюв.

ОНО пронзительно вытаращило на Ларика круглые, обиженные глаза и проквакало:

– Ты не должен был убежать от родителей! Плохой, плохой, ужасный мальчишка! Ты должен быть наказан. Я с удовольствием накажу тебя, Мошка!

Ларик, все ещё боясь оглянуться, прислушался. Шипящая песня доносилась издалека, но не прекращалась. Выхода у него нет. Придётся бороться с этим омерзительным существом. Из-под панциря разметались редкие мокрые пряди, с них стекала вода, мешаясь с пеплом и золой. Чудовище прочитало в глазах у человека решимость и утробно захмыкало, причмокивая после каждого слова:

– Давай, давай! Только дотронься до меня, и я вырву твои внутренности, гадкий мальчишка! Ах, как сейчас выпью всю

твою кровь. И, поверь мне, лучше я, чем Ползень. Ты же не хочешь стать его обедом? Тогда иди ко мне!

Птице-черепаха плотоядно облизнуло свой клюв длинным малиновым языком. Уже совсем невидимое из-за пыли небо прорезала жуткая раскоряченная во все стороны молния, и на секунду в её вспышке показалось, что с кончика клюва свисает густая капля крови.

Всё ниже и ниже чудовище наклонялось над ним. Ларик, содрогнувшись от омерзения, выбросил вперёд руку, сжатую в кулак...

Чёрный квадрат густоты накрыл всё.

– Ковер ап, – загрохотал он, – ковер ап, значит, прятать.

***

Ларик открыл глаза. Понял, что лежит, скрючившись на своей постели, прижимая руку к сердцу. И давит, сам давит с невероятной для спящего человека силой на грудь. Словно хочет проломить её, как птицу из клетки выпустить боль.

«Опять началось», – панически пронеслось в голове. «Теперь уже точно – началось. Нет сомнений».

Этот кошмар уже не раз приходил к нему по ночам. Очень давно. В детстве. Тогда рядом была мама. Она будила Ларика, кричащего, потного, мокрого – в слезах, соплях и моче. Гладила, что-то припевала, убаюкивала. Ларик всегда знал, что мама рядом. И никогда, ни при каких обстоятельствах не отдаст его тому страшному, оскаленному, шипучему, что

приходило во сне. Никогда.

Мама прогоняла кошмар, он отступал, становился все бледнее и размытее, а вскоре и совсем перестал случаться.

И вот этим летом вернулся. Сначала малыми дозами, неясно, на пробу. Оставался всё дольше, резче, яснее. И вот сегодня – проявился полностью. А мамы уже нет. Некому отогнать ужасное видение. И даже вспоминать ничего не нужно, потому что сразу ясно: это он, тот самый сон.

Теперь он почти не давал Ларику передышек в виде снов эротических или, наоборот, блеклых и ничего не значащих. Например, тех, в которых приходишь в магазин без денег, но вдруг, как фокусник из шляпы, начинаешь доставать из кармана всё новые и новые купюры. Сон, конечно, приятный, но не без разочарования при пробуждении.

В кошмаре про дикий бег сквозь чернеющие заросли травы его всегда преследовал таинственный и беспощадный Ползень, а путь к спасению преграждала кровожадная, остроклювая птице-черепаха.

Выросший Ларик опять схватился за сердце. Потому что... Там, за чёрным квадратом «ковер апа», было продолжение. Что именно, он забыл, как не помнил своего спасения от неминуемой беды.

И ещё. Мошка. Они, эти фантастические существа, так звали его в кошмаре. Сейчас Ларик вспомнил, что и свистящий голос шипел ему вслед между строчками своей жуткой прибаутки «Мош-ш-шка, Мош-ш-шка...». Он притяги-

вал явно его, Ларика, но совершенно другим именем.

Мастер приподнялся на локтях и глянул на окно. В распахнутых стёклах ещё клубилась сочная южная ночь. Темнота сгустила в одуряющий аромат запах цветов, что росли и у него в палисаднике, и в соседских дворах. Это был словно мамин завет: каждый год сажать однолетники, и не давать пропасть многолетним цветам. Ларик, несмотря на всю свою поглощённость работой и внешний пофигизм, старательно сохранял дом в том виде, что и при маме. Словно она всё ещё оставалась рядом и продолжала оберегать его, Ларика, от кошмаров. Ароматы ночных фиалок, махровых левкой и душистого горошка, соединившись в единый флёр, отгоняли ночные видения.

Ларик полежал ещё немного. Успокаивался, вдыхая этот мощный оберёг от духов. Никакие страсти не проникнут в дом сквозь душистый барьер, поставленный ещё мамой. На веки вечные.

Но страх, который уже собирался оставить его, уходит вдруг передумал. В ночной тишине на самом деле что-то шуршало, двигалось и сопело. Это звук Ларик сначала не услышал из-за гулкого стука сердца. Но тревога окружала сразу со всех сторон. То с улицы, за оградой; то казалось, что кто-то ходит под окнами; то скрип половиц раздавался уже из кухни. Казалось, что целая толпа неведомых существ, рассредоточившись, подбирается к спальне Ларика.

Душистый цветочный флёр, который прогонял ночные

кошмары, беспомощно отступил перед явью. Постепенно скрипы и шорохи объединились, переросли в гул, который становился всё звонче и реальнее. Ларик, сжавшийся комком под одеялом, уловил его ритм, в котором стали проступать отдельные слова:

– Эни, бэни, рики, таки,
Я иду к твоей кровати...

Слова складывались в песню, и мастер её услышал. Очень похожа на шипящую припевку из сна, но всё равно какая-то другая. Шипение заменилось на скрип и скрежет, постепенно переходящие в обволакивающий гипноз:

– Эни, бэни, рики, таки,
Я иду к твоей кровати
Буль, буль, буль, кораки, шмаки,
Обложу тебя я ватой
Ноки, роки, риглез, руди,
Не услышат криков люди.
Кровью пропитал матрац,
Эус, бэус, дэус – батц!

Ларик, обмирая от предчувствия, приподнял одеяло, подёрнул вверх край белой в мелкий ситцевый цветочек простыни и попытался в тусклом свете далёкого уличного фонаря рассмотреть цвет матраца. Никаких кровавых пятен на тюфяке не нашёл. По крайней мере, при беглом взгляде.

Тем не менее жуткая в своей глупости песня то приближалась, то удалялась, словно некто, посылающий ему сигнала.

лы, ходил кругами. Всё в том же тусклом свете фонаря по стенам спальни заплясали неуверенные тени. Мастеру в них виделся то его собственный скорчившийся профиль, то чудились отражения нереального существа, высовывающего из панциря переплетённую венами шею.

И тут Ларик рассердился. Наверное, в первую очередь на самого себя, потому что сердиться сейчас больше не на кого.

Он вскочил с постели, с громким треском запахнул окно и закрыл на шпингалет. В спальне сразу наступила предгрозовая изнуряющая духота. Не обращая на это внимания, Ларик, шлёпая босыми ногами, метнулся в закуток на кухне, где хранились всякие хозяйственные мелочи.

По пути из спальни в кухню он не обнаружил ничего подозрительного и выдохнул с некоторым облегчением. Нашёл старый, но внушительный топор, плотно обхватил гладкое, обточенное временем основание. Ощущать в руке пусть примитивное, но орудие, было приятно и надёжно. Ларик перевёл дух.

Но только он собрался, ругая себя за истерику и выдуманные страхи, отправиться назад в спальню, как за окном, совсем рядом, что-то ухнуло, а затем сразу хихикнуло. Через мгновение упало и покатилося. До Ларика донеслось сводящее с ума «Эни, бэни, рики, таки». Его снова накрыла волна паники. Уже не чувствуя ничего, кроме кулака, судорожно сжимающего топор, он выскочил в коридор и свободной рукой стал подтаскивать все предметы мебели, которые был в

состоянии сдвинуть с места, ко входу на открытую веранду.

После того как Ларик основательно забаррикадировал входную дверь, «Эни, бэни» сразу сделались глуше, хотя совсем не исчезли. Тут же он подумал, что оконные шпингалеты не выдержат, если это нечто, хихикающее и распеваящее в темноте, поставило своей целью проникнуть в дом. Разве хлипкие задвижки смогут стать помехой для монстра?

Пронзительно вспыхнув, фонари на улице погасли. Наступила крошечная тьма, и даже свет от луны не проникал в это царство темноты и непонятных событий.

Ларик опустил на кухонный пол.

Сел там же, где стоял, прижав в себе казавшееся сейчас таким надёжным древко топора. Единственно реальным в этом странном хаосе обрывков сна, смутных тяжёлых предчувствий, песне, колотившейся о его бедный разум, и непонятных звуков в саду.

Что-то пробежало под окнами, всё так же странно хихикая, затем тяжело поволоклось по земле, словно тащили мешок с перегнившей картошкой, мягкой и уже расплзающейся в слизь. Следом наступила абсолютная тишина, а через минуту зашуршали листья, будто некто карабкался на дерево. Одновременно за дверью раздались странные шаги: вкрадчивые и в то же время тяжёлые. Грузный, неповоротливый монстр пытался пройти на цыпочках.

Клацнул металлический предмет, по звуку это напоминало раскрывающиеся садовые ножницы на тугих пружинах.

Сразу с этим кляцаньем, заскрежетавшим из сада, что-то дёрнулось и упало, покатилося, подскакивая на половицах, в отделённой части дома, где располагался салон–мастерская.

«Только не это», – судорожно подумал мастер. Он попытался встать, чтобы проверить салон, но иррациональный страх сковал его, обездвижил безволием.

От калитки донёсся уже совершенно явно скрип нагло вламывающегося тела. Оно протопало к веранде. Судя по шлепку, споткнулось, затем раздался глухой удар и крик.

Вернее, чудовище сначала пискнуло, затем взвизгнуло, а через секунду заорало благим матом. Ларик, услышав в голосе монстра подозрительно знакомые, а где-то даже родные нотки, передумал немедленно пристукнуть это нечто топором, и сначала осторожно выглянул в окно. Как бы он ни был испуган, благоразумие подсказало: лучше сначала удостовериться, что пострадает именно тот, кто надо.

Под распахнутыми наружу створками бултыхалась костлявая масса, запутавшаяся в пледе, накануне постиранном и секунду назад мирно сохнувшем на верёвке. Очертания фигуры под идущим рванными волнами пледом, как и голос, глухо доносящийся из-под мягкой материи, всё больше что-то напоминали. А когда плед от копошащихся рывков слетел совсем, луна вышла из-за туч. И мастер увидел голову, отличающую мертвенно-синим.

– Яська, твою ж мать! Мальвина грёбанная!

В один прыжок он преодолел расстояние от окна до вход-

ной двери, моментально разобрал баррикаду из стульев и выскочил на веранду. Подлетев к сидящей на земле девушке, он помог ей подняться и отряхнуться, приговаривая:

– Извини, извини...

Через минуту, убедившись, что с Яськой все в относительном порядке, он насупил брови и строго спросил:

– А что ты тут делаешь в такой час вообще-то?

– Мне не спалось, – обиженно протянула девушка и громко икнула. – Я думала про аллергию на тату краски. Думала про руны. Думала про этого диетолога, утонувшего в глотке воды. Думала про тебя. Аида шляется где-то, я в доме одна. Ноги меня сами привели сюда.

– Слушай, а ты вовсе не приличная девица, – засмеялся Ларик, на самом деле абсолютно счастливый, что рядом с ним такая тёплая, живая и бестолковая Яська. Тем более что луна, спасительно осветив на минуту опознавательную голубую макушку Яски, опять скрылась за тучами, озабоченная своими неведомыми делами.

– Чего это я неприличная? – девушка опять громко икнула и шмыгнула носом.

– Какая приличная девушка придёт ночью в дом к незнакомому мужчине? Ты не боишься, что репутация твоя теперь навечно подмочена?

Яська озадачено задумалась на мгновение, затем прыснула, все ещё продолжая икать, очевидно, от пережитого испуга:

– А то я у тебя никогда не зависала сутками в детстве. Нами уже столько ночей переночёвано! Ты – друг, Ларик. Самый лучший и надёжный друг.

И это было правдой, так что обижаться Ларику совершенно незачем. Но в глубине души он всё-таки немного обиделся. Хотя толком и сам не понял, на что именно.

Они опустились на ступеньки, разделив перепачканный в земле, но тёплый плед. Сидели, прижавшись друг к другу под мягкой тканью. Тянуло уже утренней, свежей прохладой. Выражение лица у Яськи опять стало серьёзным.

– Ларь, я действительно не могла уснуть. Мне этот дядька, который покойник, покоя не даёт. Не, ну ничего себе каламбурчик получился: «покойник – покоя». Зацени! И руна эта его свежая. И то, что ты накануне ему тату эту наколол. Ларик, зачем ему вообще тату понадобилась? Взрослый уже, вроде, врач...

– Он говорил что-то про воду, и что у него есть причина.

– А та тётка, что косметичку оставила... Вдруг они с этим диетологом как-то связаны?

Голос Яськи прозвучал вкрадчиво, из чего следовало непременно продолжение этого совершенно неинтересного Ларику разговора. Про косметичку и тётку.

– Это вообще полная чушь, – фыркнул Ларик. – Тебе нужно успокоительного попить. Валерьянки там, или ещё чего... Я не знаю...

Яська пропустила спорную заботу мимо ушей.

– Честно говоря, я забрала с собой эту сумочку.

– И зачем?

– Красивая такая, видно, что дорогая. И поношенная немного, чувствуется, что любимая. Или единственная.

– И какой в этом во всем смысл? – продолжал недоумевать Ларик, пытаясь быть снисходительным к женским глупостям.

– Я подумала, – призналась Яська, – что твоя клиентка расстроилась, когда поняла, что потеряла такую замечательную вещь. Я в сумочке нашла визитку. Ева Самович. Рекламный менеджер. Как ты думаешь, это она?

Ларик задумался:

– Точно, её, кажется, Евой и звали. Хотя...

Он замялся, пытаясь вспомнить.

– Кажется, да, Евой. Впрочем, паспорта у клиентов не спрашиваю.

Яська обрадовалась.

– Я ей позвоню тогда. По номеру на визитке. Скажу, что сумочка у меня. Думаю, она обрадуется...

Ларик кивнул: «Конечно, мол, обрадуется».

– А, кстати, ты этой Еве-растеряхе, что колол? Что-нибудь такое же символическое? Чего она-то ушла как зомби? И такую важную для женщины вещь забыла...

– О, да! – насмешливо, но непонятно произнёс Ларик. – Я ей такое наколол, такое...

Он сделал страшные глаза и замолчал, заставляя Яську

мучиться от любопытства.

– Так что? – Яська стремительно наклонилась к нему и поставила звонкий щелбан. Легонько, но обидно от неожиданности.

Ларик схватился за лоб и заверещал:

– Да, бантик я ей наколол. Маленький симпатичный бантик. Ничего не значащую финтифлюшку!

– Понятно...

Луна выкатилась стыдливо из-за туч. И осветила особенно ярко для уже привыкших к темноте глазам дорожку в саду.

– Ларик... – пролепетала Яська, – что это?

Глазам предстало совершенно дикое в своей бесцельности зрелище. Розовые кусты нещадно обломаны. Флоксы, надломившись, уныло свесили свои яркие шары к земле. Все цветы на высоких стеблях грубо искромсаны, то ли когтями, то ли зубами, а клумбы вытоптаны с таким зверским усердием, что это заметно даже в неярком лунном свете.

Цветник, заботливо выпестованный Лариком, был разгромлен самым варварским образом.

Глава четвертая.

Еву убивает время

Ева Самович не собиралась выходить, ей нужно было проехать ещё две остановки, но толпа в переполненной маршрутке напирала и сдавливала. Еву привычно затошнило от мерзкой близости чужих людей, от посторонних прикосновений к её коже, от запахов, которые распространяли незнакомые тела. Она физически ощущала, как молекулы парили в сжатом пространстве, соприкасаясь и взаимопроникая друг в друга.

– Выходите? – спросил кто-то за спиной.

Тошнота усиливалась, и Ева просто молча кивнула.

Когда маршрутка выпустила её наконец-то из недр кипящего молекулярного супа, Ева сделала несколько глубоких вдохов-выдохов. Прижала пальцы к вискам.

«Боже, больше никаких маршруток», – подумала она, и тут же поняла, что врёт сама себе. Деньги катастрофически кончались, и собеседование, с которого Ева возвращалась, она явно провалила. Поездки на такси подорвут бюджет окончательно и бесповоротно. Придётся пользоваться общественным транспортом, полным этих отвратительных, дурно пахнущих чужих людей. Возможно, среди них есть больные. Точно – есть.

Ева посмотрела на своё ослепительное платье. Белое в красный горох. Придётся выкинуть. Кто знает, сколько нечистых частей тела сегодня тёрлось о него. Платье, словно пропитанный ядом пеплос, посланный Медеей сопернице, жгло кожу. На щиколотке ныла свежая татуировка, трепыхавшаяся маленьким ярким бантиком, но ощущение от чужих прикосновений чувствовалось сильнее.

Все ещё немного опухший бантик словно задорно подмигивал ей: «Да мы с тобой, девочка, горы свернём!».

При взгляде на него Еве стало легче. Оставалось только немедленно купить новое платье.

В мире не так много прекрасных мест, и торговые центры, несомненно, самые волшебные из них. Мир, сотканный из света, блеска, замечательных запахов новой одежды и смешанного аромата парфюма. Он дарил ощущение вечной молодости, царства безмятежности, праздника, сулящего жизнь без боли и увядания.

Там не обитали ужасные скрюченные старухи со слезящимися взглядами; старики, у которых штаны свисают пустым потрёпанным мешком с задницы и колен; их дети, уже тронутые надвигающимся тленом, но пока обманывающие самих себя. В торговых центрах даже эти предстарки (так называла про себя Ева всех, кому перевалило за тридцать), казались ещё полными сил и бурлящих соков, чтобы цвести, благоухать и просто жить.

Тату-бантик на щиколотке словно подтолкнул замешкав-

шуюся Еву, и ноги сами понесли её во дворец молодости, света и новых платьев.

Звонок от брата был некстати. Он ворвался беспощадной трелью в её с трудом поднятое настроение и опять испортил его.

– Мне не очень удобно говорить сейчас, – Ева, не останавливаясь, швырнула в телефон свою обычную фразу.

Но Адам прекрасно знал её способность увиливать от любых неприятных разговоров, поэтому быстро перебил:

– Если ты отключишься, денег в этом месяце не дам.

Притормозила. Зависимость от брата выводила из себя, но сейчас приходилось играть по его правилам. Черная полоса затянулась. Еву сократили несколько месяцев назад (а честнее – почти год), и без Адама ей сейчас просто не выжить.

– Ладно, слушаю, – вздохнула она.

Перед глазами сиял храм удовольствий.

– Почему ты не связалась со мной, когда вернулась? – Адам злился и тревожился одновременно.

Злость и тревога – это то, что он постоянно чувствовал к сестре.

– Откуда знаешь, что я вернулась?

– Ева, не будь ребёнком! Тебя видели все соседи.

Раздражало любое упоминание о возрасте, поэтому на столь невинную фразу Адама она взвилась. Белым факелом в красный горох.

– Какое дело этим соседям, уехала я или вернулась? Почему и ты, и они вечно следите за мной?!

– Мы беспокоимся, – миролюбиво произнёс брат. – Как у тебя? Не вышло с санаторием?

– Ты уже понял, что нет. – Ева тоже сбавила обороты. – Но всё под контролем. Я сейчас иду с собеседования.

– Да?! – радостно–недоверчиво спросил Адам.

– Балда! – не удержалась сестра. – Всё в порядке. Я в норме.

Адам повеселел.

– То есть ты вышла из дома? Не будешь запираяться?

– Стою на середине довольно оживлённой улицы. А до этого ехала в переполненной маршрутке. Так что я в полном порядке.

Она сказала про маршрутку и прикусила язык. Голос Адама опять сменился с радостного на тревожный. Брат не знал наверняка, что Ева экономит на еде и такси ради новых нарядов. Но догадывался.

– Ева, я даю достаточно денег, чтобы ты не садилась в маршрутку.

Девушке стало неловко. Она понимала, что у Адама работа, жена, двое детей, свои дела... Хотя никогда не просила ни о чём, но он всё равно постоянно опекал её.

– Смотри на это, как на эксперимент, который закончился удачно, – вывернулась Ева.

– Ладно, – сказал Адам, – вечером зайду.

И отключился.

Еве не хотелось, чтобы он заходил. Но пока решила не думать о неприятном. Она имеет право на праздник жизни. Всё ещё имеет.

Завертелась круглая дверь на вход. Еву подхватило и понесло на волнах такого любимого запаха: новых вещей, разнообразного парфюма и крепкого эспрессо из притаившихся среди бутиков кофеен. Кожа под татуировкой восторженно зазудела, словно тату тоже радовалась, что наконец-то оказалась в столь прекрасном месте.

Бантик ожидало самое любимое приключение – сезонные распродажи. Время, когда бренды, даже шикарные и дорогие, становились родными и доступными. Те, что никогда не попадут в корзины с тряпьем, выставленным совсем за бесценок и захватанным разными руками.

Ева предпочитала всё непорочное, не знающее чужих прикосновений. Не тронутое ни людьми, ни временем. Это казалось естественным и правильным, и она не понимала, почему другие воспринимают её нормальное желание, как нечто странное.

Пришлось даже как-то пообщаться с психиатром. По милости Адама. Когда закрылась в квартире на несколько дней, и сутками лежала в ванной, меняя воду и душистую пену. Она израсходовала все свои благовонные запасы, потому что выливала воду и снова набирала её, каждый раз наполняя ванну новым ароматом. В ход шли и шипящие шарики, и ла-

вандовые наполнители в виде цветов, и масло, которое взбивалось в высоченную пену.

Пена мягко укрывала Еву, спасала её от всей грязи мира. Она могла бесконечно вытягивать то одну ногу, то другую, любуясь, как из воздушной белизны с мягко лопающимися шариками показывается идеально гладкое колено. Пена собиралась сказочными островами на плечах, груди, предплечьях. Она лопалась и тихо исчезала, не теряя своего белоснежного очарования. Пена обещала уход без боли увядания. Так прошло несколько дней. Самых счастливых в жизни Евы.

Брату пришлось выломать дверь в квартиру. Он ворвался в ванную комнату и увидел сестру, погруженную в пену. Адам вытащил её, хотя Ева отчаянно сопротивлялась, выскользнула из его рук тонкой рыбкой, просила оставить её в покое. Потом она посмотрела на кончики своих пальцев, сморщившихся от долгого пребывания в воде, дико заорала и потеряла сознание.

С тех пор Ева принимала только душ, а Адам отвёл её к специалисту. На самом деле он собирался отвезти её прямым ходом в психушку, но передумал, решил сначала попробовать мягкую терапию.

Ева злилась. Она не сделала ничего плохого, никому не мешала и была в эти дни счастлива. Неужели быть счастливой в этом жутком мире равно быть ненормальной?

И она никому не сказала о том, что произошло накануне

её «пенного протеста». Даже той приятной женщине с мягким круглым лицом, слишком простым, чтобы, по мнению Евы, проникнуть в самые потайные уголки её души.

Там, где грязная, пахнувшая немытым телом старуха тянула свои скрюченные коричневые руки сквозь ажурные зигзаги решётки. К столику на веранде, за которым Ева сидела с чашкой кофе. Старуха дотронулась до неё своими обломками когтей. Она что-то приговаривала, эта жуткая ведьма, но Ева уже не слышала. В то же мгновение липкий, холодный пот выступил по всему телу, и пронзила безвольная слабость. В руках старухи словно открылся канал, перекачивающий в этот полутруп молодость и жизненную энергию. Девушке показалось, что она умирает. Как Белоснежка, которой нищенка вручила отравленное яблоко.

Тут же молодой симпатичный официант, обслуживающий Еву, подскочил, прогнал злую ведьму, испугался за резко побледневшую девушку и предложил вызвать «Скорую помощь». Она отказалась, так как хотелось только одного: поскорее добраться домой и смыть с себя эти отравляющие прикосновения. Убрать дыхание старости и тлена со своего тела. Ева даже смогла расплатиться за кофе и держала себя в руках всю дорогу домой.

Плотно закрыв за собой входную дверь в квартиру, она ожесточённо сорвала с себя блузку, так резко, что пуговицы отлетели в стороны. Захлёбываясь в рыданиях, стащила с себя джинсы, бюстгальтер и плавки. Всю одежду она выброси-

ла с балкона на улицу, потому что не могла терпеть её рядом с собой. Даже в мусорном ведре не могла.

И наполнила ванну.

Всё, что было до того, как она включила кран с водой, Ева не стала рассказывать круглой мягкой докторше. Та внимательно слушала, потом задавала какие-то вопросы, Еве показалось: абсолютно дежурные. Словно врач насмотрелась сериалов по телевизору и решила поиграть в психотерапевта.

Самое неприятное, что как раз тогда Еву уволили за прогулы, и она оказалась совершенно зависимой от брата. Адам ещё какое-то время приставал к ней с просьбами «ходить на сеансы». Так он называл эту неловкую и глупую игру, в которую его вовлекла врач, насмотревшаяся по телевизору сериалов про психотерапию. Но Ева несколько раз поплакала, и он отступил.

Она не считала себя больной. Ненормальными были все эти люди: грязные, старые, гниющие, которые ходили по улицам как ни в чем не бывало. Они смеялись, дотрагивались до людей красивых и молодых, хотя не имели никакого права распространять заразу там, где материя ещё не тронута ужасным смертельным вирусом. Вирусом старости.

– В «бантике», – в голове у Евы успокаивающе возник голос татуировщика, – нет никакого глубинного философского смысла. Тату просто придаёт некую пикантность, небольшой эмоциональный окрас. Подчёркивает женственность, грацию, нежность и свежесть образа. По моему опыту, чаще

все его выбирают совсем молодые девушки. Не беспокойтесь, «бантик» не имеет негативного подтекста.

Как раз то, что нужно. Свежесть, нежность, грация. И никакого негативного подтекста. Это воплощённая она сама, Ева.

Не останавливаясь, прошла мимо огромного свального помещения с совершенно неприличными низкими ценами. Там толклось много некрасивого народа. Толстые тётки, расплывшиеся раньше времени; студенты, которые от нищеты ещё через год-два и покроются морщинами беспокойства и неумения наслаждаться жизнью; странные мужчины с затравленными взглядами. Они выхватывали из больших тележек мятые тряпки, лица у этих людей перекосило животным инстинктом. Словно охотничьи псы, схватившие загнанную добычу, устремлялись к кассе, гордо вываливая на ленту свой позор.

Ева шла мимо и слишком «дамских» витрин престижных брендов. Если у постоянных клиенток таковых есть желание становиться «тётками», пусть и в роскошных нарядах, это их дело. Но лично она не собирается входить в образ «королевы-матери на торжественном выходе».

И пусть в бутике для девочек-подростков Ева часто ловила на себе недоуменные взгляды, когда примеряла модели бренда, это был её личный рай. Коротких топиков с кружевной отделкой, просторных свитшотов, мягких джинсов с россыпью блестящих стразов... И главное – платья.

Платья Ева всегда покупала только здесь. В горох и полоску, с контрастной отделкой и бантиками, приталенные и свободные, кружевные и шёлковые, шифоновые, вискозные. Настоящие произведения искусства, которые мягко садились на талию, ласкали подолом ноги, заставляли чувствовать себя гибкой, ловкой, женственной. Если бы это было возможно, Ева осталась бы жить в этом нежном, разноцветном раю.

– Мама, а почему она прикладывает платье к себе? – по Еве прошёлся противный визгливый голосок.

Беспощадная тинэйджерка. Худая, вертлявая и некрасивая. Но – боже! – какая тонкая нежность шла от её кожи! Она словно светилась изнутри, и Ева ненавидела всех этих девчонок за чистоту света, который у неё самой с утра ещё был ярок, но к вечеру мутнел, становился тяжёлым и грузным, а к ночи совсем угасал.

– Может, племяннице? Или знакомой?

Ева, не выпуская из рук струящееся платье хамелеон, посмотрела в упор на эту парочку. Уже порядком вытолстившуюся маму и некрасивую, но самоуверенную девочку. Мама сконфузилась, поняла, что Ева услышала их разговор, а дочка ответила не менее наглым взглядом.

– Я беру себе, – произнесла Ева, чётко отделяя каждое слово. – Понятно? А ты...

Она прожгла глазами подростка:

– Ты уже через пару лет станешь такой же развалиной, как твоя мать, и будешь ходить на шопинг в «Крупные люди».

Бантики для тебя закончатся очень скоро. А для меня – нет. Никогда.

Женщина почувствовала, что клиенты и продавцы жадно наблюдают за началом конфликта, сконфузилась, схватила свою дочку и быстро выскочила из бутика. Ева победно осмотрела поле боя. Если бы все проблемы решались так просто...

Она выбрала платье. Практически невесомый хлопок, по нежно-розовому, зефирному полю разбросаны тёмные сигналы – ласточки в полёте. Под цвет и в противовес стремительным птицам – тёмный круглый воротничок.

Ева принесла платье домой, хотя хотелось надеть его прямо в магазине, чтобы сразу же стереть чужие прикосновения. Но сначала нужно было принять душ.

Тугие струи прохладной воды жизнеутверждающе били по телу, смывая пот и налипшие молекулы чужих людей. Ева взяла жёсткую мочалку, сделала воду погорячее и с остервенением растёрла плечи. Минуты через три беспощадного истязания стало легче. Она опять входила в своё любимое состояние – свежести, чистоты, лёгкости.

Тщательно и густо нанесла на всё тело омолаживающий крем. Только свежую татуировку старательно обошла. Встала перед зеркалом абсолютно нагая, придирчиво рассматривая себя. Она тронула кожу на ключицах. Нежную, с лёгким налётом загара, который успела получить за три дня пребывания у моря. Сущность Евы опять источала внутреннее си-

ание. Под этой бархатной, чуть прозрачной оболочкой словно лопались пенные пузырьки, вызывая ощущение движения и роста.

До двадцати восьми лет человеческое тело ещё растёт, значит, у Евы есть ещё два года. Два года – это очень много. Очень. А потом... Косметическая медицина стремительно развивается, учёные обязательно что-нибудь придумают, ведь два года – огромный срок. Это же просто, взять и изобрести какие-нибудь таблетки, замедляющие старение клеток. Ей остаётся только сохранить себя в целости до этого открытия.

Внезапно и противно зазвонил телефон. Ева с досадой посмотрела на кусок пластмассы, отвлекающий от приятных мыслей о главном. Она уже давно не ждала ничего хорошего от этого дурацкого изобретения человечества. Никто не звонит ей сообщить что-нибудь действительно приятное. Наверняка, Адам предупреждает, что уже на подходе. Заявится, как всегда, с каким-нибудь дурацким тортом или куском колбасы. С очередным номером телефона знакомого знакомых, у которого есть работа для Евы. Со своей вечной приторной заботой, от которой трудно дышать.

Ей опять стало нехорошо. Перед глазами, размывая привычную обстановку, замельтешили зелёные пятна. Через их мерцание комната казалась чужой и даже пугающей. Ева до мельчайших подробностей вдруг увидела потрёпанные уголки дивана, чуть облезлую краску у ручки платяного шкафа,

царапины на боку маминого фортепиано.

Голова закружилась сильнее. Ева практически наощупь пробралась по коридору на кухню. Она вспомнила, что в дверце холодильника должна быть открытая бутылка с лимонадом. Ей срочно нужно было выпить чего-нибудь прохладного.

Трясущимися пальцами достала из морозильника лёд, бросила в стакан. Шипучка расплескалась, липко лопаюсь на пальцах. Залпом выпила, поставила стакан на кухонную стойку. Кубик льда печально звякнул о стеклянное дно. В нос шибануло кислым запахом несвежего мяса, ощущение странной гнили повисло в воздухе, принялось мягко обволакивать со всех сторон, подбираясь к телу Евы. Её зазнобило, словно поднималась температура, но жажда не унималась.

Забыв про стакан, она схватила теперь всю бутылку и прямо из горлышка с наслаждением опрокинула в себя несколько крупных глотков, не замечая раздражающих язык пузырьков. А когда наконец-то оторвалась от бутылки, приложила её, уже полупустую, но все ещё блаженно холодную, ко лбу.

Надо думать о чём-то приятном, чём-то свежем... Новые духи! Ева попыталась вызвать у себя ощущение аромата, который недавно тестировала из пробника. Но посторонняя вонь становилась всё сильнее.

Она случайно кинула взгляд в незакрытую дверцу холодильника и не смогла сдержать крик.

Вкусная дорогая колбаса, которую Адам принёс совсем

недавно, стала зелёно-чёрной. Оболочка набухла и треснула. Из надрывов, извиваясь и копошась, лезли белые безглазые черви. Так же ещё утром прекрасный свежий сыр превратился в зловонное густое месиво, и эта тёмная субстанция расплзлась по тщательно вымытой полке. Банка печёночного паштета надулась на глазах и тут же с громким треском взорвалась, обдавая внутренности холодильника грязными кляксами.

Ева отшатнулась так стремительно, что не удержалась на ногах и упала на пол, выронила бутылку. Остатки лимонада тут же зашипели как змеи, выползающие на нагретый летним солнцем пол. Девушка хотела закрыть глаза, но ужас, сковавший её, словно заморозил веки. И тогда пришёл явный, угваривающий голос:

– Всё тлен, девочка, всё смерть. Скоро это случится и с тобой, ты же знаешь об этом? Уже увядаешь, да, с каждой секундой становишься все старше и беспомощнее, так зачем сопротивляться тому, что непременно случится? Сейчас, милая, случится сейчас...

Сквозь мельтешение зелёных кругов, которые, кажется, тут же покрывались плесенью, взгляд выхватил вазу с огромными алыми розами. Розы, наверное, тоже только вчера принёс Адам, поставил сам в воду. Хотел порадовать, забыв, что Ева ненавидела недолговечность срезанных цветов. Она ещё утром хотела выбросить их, но, спеша на собеседование, как-то упустила из вида. Сейчас красные розы съеживались, мо-

ментально увядая, от вазы потянуло застоявшейся болотной водой. Стебли потекли, расплзаясь от стремительного гниения, засыпали столик скорчившимися лепестками.

Ева опять попыталась закричать, на этот раз у неё все-таки получилось, крик вырвался неожиданно громкий, полный внутренней боли, хотя казалось, сил совершенно не осталось. Прах и тлен теперь окружали её плотным кольцом, подступая все ближе.

Последнее, за что могла зацепиться Ева, пока бездна не поглотила её, была татуировка. Игриво завязанный бантик, как символ вечной молодости. Ева посмотрела на него. Узел на бантике зашевелился, концы его потянулись в разные стороны. Татуировка принялась... Развязываться?

Ева физически почувствовала, как шёлковая ленточка, уже не сдерживаемая узлом, ласково скользнула по её ноге. Место, которое только что покинула татуировка, сразу же опало, скукожилось, пошло волнами внезапно повисшей кожи. От ноги по всему остальному телу радостно поплыли дряблость и старость. Свесились куски кожи на бёдрах, в мятые, грязные складки собрался светлый и упругий живот. На запястьях набухли синюшные вены, тыльная сторона ладони покрылась тонкими пергаментными морщинами, и рука тут же стала похожа на обезьянью лапку.

– Это всё бред! – закричала Ева, и пронзительной трелью ответил ей дверной звонок. Она забилась на полу, пытаясь подняться, но сил оставалось все меньше, а ползущая по её

телу старость, отпущенная развязавшимся бантиком, проникла уже в самые дальние уголки организма, притупляя слух и зрение, вызывая мелкий тремор в конечностях и невыносимую ломоту в пояснице.

Очевидно, Адам её услышал, потому что звонки прекратились, раздались резкие глухие толчки, от которых мебель в коридоре заходила ходуном. Он уже привычно ломал дверь. Но только Ева подумала, что спасение близко, как слепая и глухая темнота накрыла её. Эта темнота окружила трепыхающееся маленькое сердечко и сдавила. Ева, от которой остался древний скелет, обтянутый пергаментной, рвущейся кожей, ушла в мир столь ненавидимого ей тлена. Хватая фалангами крошащихся пальцев ленточку от игривого, не несущего никаких негативных эмоций бантика.

Адам в эту минуту уже выломал дверь и ринулся на кухню. Но было поздно. Так же, как и для звонка, огласившего квартиру Евы бодренькой, весёлой мелодией.

От вибраций телефона задрожали нежные розовые лепестки роз, которые Адам принёс Еве накануне. Их запах до сих пор оставался свеж и прекрасен.

***

– Позвоню позже, – сказала сама себе Яська, послушав долгие гудки и всё объясняющую фразу «абонент не отвечает».

Абонент не отвечал и вчера вечером, и сегодня утром, но телефон незнакомой Евы отключён не был, и это давало на-

жду, что Яська всё-таки сможет дозвониться до клиентки Ларика.

Глава пятая. Аида сдвигает сроки

Яська сладко потянулась в шезлонге, пряча лицо от жгущих лучей в тени дерева. Она не выспалась сегодня, но прекрасное утро скрыло недоразумения минувшей ночи. При свете яркого солнца всё сразу встало на свои привычные, очень симпатичные места. В такие моменты понимаешь, что всему есть объяснение и всё можно поправить, если постараться.

Но тут же поняла, что расслабляться ей не стоило. У калитки переминался Гера, и вид у него был довольно несчастный.

– Ларик не отзывается, – оправдываясь, жалобно забормотал он. – Дрыхнет ещё, наверное. А у меня... Посмотри...

Яська посмотрела. И охнула. Правая штанина Геры была разорвана. Классически: по прямой линии снизу-вверх, от подворотов до бедра. Самое паршивое: сквозь грязный потрёпанный край разрыва, заляпанного кровью, просвечивала рваная рана.

– Поможешь? – жалобно спросил Гера, и Яська, преодолевая приливавшую дурноту, выдохнула: «Ну конечно». Оказалось, что она не очень хорошо переносит вид погибающих людей вообще, и раненых – в частности.

Через полчаса Гера, уже не столь кровотокающий, но не менее трагичный, развалился на любимом Яськином шезлонге.

Продавец пончиков красовался в одних плотных трусах-бок-сёрах, вытянув ногу с обработанной раной, и жаловался на жизнь. Яська, устроившись на крыльце, зашивала его штаны суровой светлой ниткой и недовольно косилась на внезапно оккупированный шезлонг. Гера красноречивых взглядов не замечал.

– Это был всегда чрезвычайно мирный пёс, – недоумевал он. – Ласковый. Ну ты же знаешь Тумбу?

Яська, не отрываясь от своего безыскусного рукоделия, кивнула.

– Это он тебя так? – недоверчиво спросила она, потому что и в самом деле не могла представить общего любимца в роли дикого зверя.

– Честно говоря, больше похоже, что ты в чужой сад лез и о гвоздь на заборе зацепился.

Гера горячо заверил:

– Вот именно! Яська, он мне как брат был...

Девушка в этом месте чуть не проглотила нитку. По её взгляду Гера понял, что с пафосом он переборщил. Поэтому снизил градус.

– Я иду себе, задумался...

– Кстати, как Алина? – догадалась о причине Гериной задумчивости Яська.

Он покраснел.

– Проводил её вчера. Она в районе многоэтажек живёт. Хорошая девушка...

И Гера покраснел ещё сильнее.

– Так вот, иду я по улице, и вдруг из подворотни на меня бросается огромный грязный клочок шерсти. Я от неожиданности сначала Тумбу вообще не узнал. Да и кто бы узнал его при таких обстоятельствах? Шерсть дыбом, глаза красные и вывалились из орбит, клыки на полморды. И как кинется на меня, как вцепится за ногу!словно тигр какой-нибудь. И знаешь, тут всё непонятно, но больше всего поразило, что он молчал. Только уже потом, когда я палку какую-то схватил, как рявкнет! Отпустил и опять в переулке скрылся.

– Гер, – Яська побледнела. — Тебе укол нужно поставить.

– Какой укол? – не понял продавец пончиков, разгорячённый собственным рассказом.

Яська откусила нитку зубами и подала Гере уже зашитые штаны.

– Противостолбнячный. У него бешенство, к бабке не ходи...

– Да ты что?! Откуда у Тумбы может быть бешенство?

– Гер, мне его тоже безумно жалко, но факты налицо. Он же шляется, где хочет, наверняка, с дикими животными встречается. Кто-то его заразил...

– Половым путём? – ошарашено спросил Гера.

– Дурак ты! Разве что он с какой-нибудь бешеной лисичей поцеловаться вздумал. Особо извращённым способом. Бешенство передаётся через слюну. При укусе. Так что, Герман, не дожидаясь полночи, которая все близится, а тебя все

нет, иди-ка ты в травмпункт и быстренько сделай укол. Пока нас всех кусать не начал. И сообщи в полицию, что по улицам бегает бешеная собака.

Гера с невыразимой тоской посмотрел на Яську:

– Они же его...?

– Да, Герман, да. – Девушка разозлилась, что в этой ситуации ей приходится быть беспощадной. – Ликвидируют. А иначе у нас полгорода бешеных жителей будет. Этакий город безумных покусанных вампиров.

Взгляд Геры приобрёл подозрительно мечтательное выражение, и Яська поняла, что с образностью переборщила. Гера, как и она, любил фильмы про зомби-апокалипсис.

– В общем, ноги в руки и дуй в травмпункт. А затем в полицию.

Когда же Гера скрылся из вида, Яська подумала, как ужасно жалко Тумбу. Она опустилась в любимый шезлонг и заплакала. Потом немного успокоилась, набрала номер Иллариона, но все Яськины абоненты в это утро не желали с ней разговаривать.

– Да где же Ларик, черт возьми?

Она опять принялась звонить хозяйке потерянной косметички.

***

А Ларик после тревожной, практически бессонной ночи с трудом приходил в себя. Как будто он основательно перебрал спиртного накануне. Присутствовали все признаки

похмелья: тяжёлая, тупая голова, в которую неведомая сила неустанно вбивала огромный ржавый гвоздь, нездоровая муть, сопровождаемая тошнотой, а главное, желание лечь ничком на кровать и никогда больше не вставать. По крайней мере, не сегодня. И не в этом месяце. И вообще не в этой жизни. Ларик тяжело вздохнул, захлопнул дверцу холодильника и опустился прямо на пол. Традиционный утренний бутерброд с куском колбасы и огурцом на белой булке, очевидно, откладывается на завтра. Тошнило даже от мысленного намёка о еде.

Ларик огромным усилием воли собрал себя в единый организм. Вышел на веранду и горестно уставился на порушенный цветник. Ночью это зрелище казалось ужасным, при дневном свете – невыносимым. Словно по цветам за стадом слонов прошёлся рой саранчи, обглодавший всё, что предыдущая колонна не успела вытоптать. Вот таким сад казался при дневном свете. Оценив масштабы бедствия, мастер решил, что обязательно восстановит цветник, но чуть позже.

Ларик помялся около двери мастерской, боясь того, что может там увидеть. Наконец, досчитав до трёхзначной цифры, он открыл дверь и сначала робко заглянул внутрь. В салоне больших изменений не наблюдалось. Лишь полупустая банка с краской валялась на полу, капли собрались в лужицу, но настолько незначительную, что считать это вторжением и разрушением не стоило. Он мог и сам неуклюже поставить препарат на стол.

Мастер тут же распахнул все окна, хоть в салоне было достаточно свежо. Но запахи красок и растворителя вызывали сейчас сильный приступ тошноты.

Он выпил прохладной воды из бутылки и постарался несколько раз присесть, чтобы прийти хоть в какую-нибудь норму. Потом достал чистый лист бумаги и кохиноровский мягкий карандаш. Секунду посидел, закрыв глаза и вспоминая, а когда вышел из задумчивости, из-под острия его карандаша полетели лихорадочные линии.

Первым выплыл большой черепаший панцирь. Тугой, похожий на бубен шамана и так же испещрённый непонятными знаками. Явно символами, которые Ларик сейчас старался просто запечатлеть: быстро, по памяти, механически и не вдаваясь в смысл. Он расшифрует их чуть позже, сейчас главное держать на кончике карандаша тающую в дневном свете память о сне. Из массивного панциря вытянулась перепончатая лягушачья лапка, слишком хрупкая и тонкая на его фоне.

Быстро набросав растопыренную лапку, он, так и не приступив ко второй, широкими штрихами обозначил большой клюв над уже готовой частью эскиза. Ещё через несколько секунд на Ларика с листа посмотрели огромные, по-детски обиженные глаза неведомого существа. Как там звучало во сне, просачиваясь в реальность: «Эни, бэни...»? Дальше Ларик не помнил.

Это существо пришло из бессознательного детства, чтобы

наказать неведомого мальчика Мошку, но заявилось почему-то к нему, Ларику. И Ползень... Мастер вздрогнул. Наверное, не просто так этим летом вернулся самый страшный ужас его детских кошмаров. А ещё... Птице-черепаха заговорил с мастером впервые. Что им нужно от него, Ларик не знал. Но должен понять, иначе случится что-то очень страшное. А, может, уже и случилось.

Мастер принялся усиленно думать. Диетолог, имени которого он так и не узнал, вёл себя вполне адекватно, особенно в сравнении с некоторыми клиентами. Вообще чрезвычайно нормальный чел. Ну да... Он немного опасался, но в этом не было ничего необычного, все волнуются в первый раз. Без пяти минут покойник сам процесс перенёс спокойно и потом, когда уходил, не выглядел как-то странно.

Из жилой части дома раздался телефонный звонок. Издалека и приглушённо, но Ларик всё равно вздрогнул. Рука, держащая карандаш, дёрнулась, и линия прочертила на покато лбу птице-черепахи знак «зеро».

– К чему бы это? – рассеянно подумал Ларик и поковылял в дом, кляня себя за то, что оставил мобильный в спальне.

***

– Аида, я ушла! – крикнула в полную мурлыкающих звуков какой-то детской песенки тёткину комнату Яська.

Она только что с трудом уговорила Ларика встретиться на пляже.

– У тебя есть ко мне что-нибудь?

Из комнаты высунулось лицо Аиды, классически и картинно измазанное тёмной маской для улучшения внешнего облика.

– Очень даже есть. Но ты все равно иди. И, кстати, освободи своё чрезвычайно плотное расписание на завтра. Будем варить сидр.

Яблук в саду вызревало из года в год невероятно много, но приморцы, развращённые фруктовым изобилием, их игнорировали. Налившиеся соком плоды тяжело падали в листву, и тогда казалось, что кто-то ходит ночью по саду.

Аида сначала печально взирала на гниющие плоды, а потом разорилась на яблокодавилку. Несколько лет назад они с Яськой поставили свою первую бутылку с сидром, тщательно прошерстив интернет. Яська в тот, первый, год пить ЭТО не рискнула, но, приехав на следующее лето, обнаружила, что вино исчезло без следа, и довольная Аида сообщила ей, что всё получилось.

Теперь это стало у них традицией, обозначенной как праздник созревания яблок. Выбирали время, чтобы обе были свободны и в настроении. Вечером, когда спадала основная жара, выходили в сад с ведрами и корзинками. Несколько минут просто стояли под деревьями, задрав головы вверх, где в густой листве глянцево отсвечивали налитые яблоки. Лёгкая Аида, обвязав вокруг талии верёвку, на которую цеплялась корзинка, забиралась на дерево. Яська всегда волновалась, что мамина (а теперь уже и её) подруга сорвётся, кри-

чала:

– Аида, осторожнее, ветки хрупкие...

Аида же лишь смеялась своим приглушенным загадочным смехом, от которого у всех окружающих кавалеров «чуть за сорок» начинали порхать бабочки в животе (и не только, честно сказать у тех, кому за...), спускала Яське на верёвке наполненную корзинку и поднимала наверх опустошённую. Когда яблок набиралось более чем достаточно, они тащили вёдра на кухню, хорошенько мыли свою добычу и раскладывали на просушку.

Дом наполнялся яблочным запахом, густой дух только что сорванных фруктов висел в нём несколько дней, казалось, он пропитывал насквозь даже стены. Яська заходила с улицы и вертела носом: «Яблочная обитель».

Этот аромат заливал и Аиду. Казалось, он останется в её волосах и коже до следующей весны. «Яблочная женщина», – говорила ей Яська и вытягивала руки над сохнувшими фруктами, словно сама хотела пропитаться этим волнующим, настойчивым запахом.

Аида надевала пёстрый фартук с петухами, который висел весь год совершенно неприкаянный. Готовить она не любила, а несколько блюд, обозначенных в её традиционном меню, не требовали времени и чудесного фартука, разрисованного боевыми птицами. Тётка включала небольшой, но грозный агрегат, и на петухов брызгал кисло-сладкий сок. Они морщились, гребни наливались воинственной влагой,

Аида вытирала локтем глаза, в которые тоже попадал будущий сидр, и говорила что-то вроде:

– Ну с первой каплей!

И они с Яськой, крутившейся рядом на подхвате, смеялись, слизывая с рук терпкие брызги. В густой дух «яблочной обители» мелкой шрапнелью врывались кислинки.

Теперь уже на этот аромат поворачивала головы и носы вся улица. Соседи только вдыхали кружащий голову сладко-кислый флёр, но заходить «на сидр» не решались.

Аида, прибывшая в этот курортный городок много-много лет назад, так и оставалась для аборигенов «приезжей». Впрочем, тётку, насколько понимала Яська, её статус не очень волновал. Мамина подруга сама выбирала близких знакомых. Не друзей, нет. Таким сверхпочётным званием обладала исключительно Яськина мама. Редкие везунчики, которым Аида давала статус приятелей, гордились даже этим. Как-то получалось у неё еле заметным движением подбородка обозначить свою исключительность и подчеркнуть счастье того, кого она удостоила круга избранных.

Яське, получившей эту привилегию по праву рождения, с самого детства хотелось быть похожей на Аиду. Загадкой, непостижимой женской тайной, чуть обозначенной на самом дне никогда не смеющихся тёткиных глаз. И этим притягательным парадоксом: сколько бы ни смеялась Аида своим колокольчатым будоражающим смехом, на дне глаз, в самой их глубине, стыла непреходящая зима.

– Как у тебя это получается? – спрашивала Яська, разливая только что отжатый сок по прозрачным, сияющим банкам.

– Что получается?

И понимала, и вместе с тем не понимала Аида:

– Давить сок на сидр?

– Нет, – смеялась Яська, – быть такой... Особенной.

Аида пожимала плечами, не споря с тем, что она особенная, но тихо и грустно говорила:

– Не дай тебе бог такую особенность...

И сразу сникала, натягивая лопатки крыльями на спине.

Яське с Аидой всегда жилось хорошо. Наверное, даже более свободно, чем с мамой. Здесь она не была скована древними отношениями «родитель–ребёнок» и поэтому могла говорить с Аидой как с подругой. С более мудрой и знающей подругой.

И Яська любила особенно проникновенные разговоры в густом яблочном флёре. Обрадовалась, что и в этом году ночь падения яблок не отменяется. Только никак не ожидала, что Аида решит сдвинуть сроки.

– Не рано ли? – удивилась она.

Обычно происходил этот ежегодный ритуал чуть позже (а вернее, основательно позже), где-то месяц спустя. Под самый Яськин отъезд.

– Разве яблоки уже достаточно вызрели, чтобы дать полноценный сок?

Из летних яблок получался сидр янтарного цвета, чем ближе к зиме, тем светлее сок отдавали плоды.

Аида неопределённо махнула рукой:

– Может, и не совсем вызрели. Только потом у меня времени не будет.

– Да? – просто из вежливости спросила Яська, понимая, что у каждого человека могут быть важные дела. – Завал на работе?

– Завал.

Тётка как-то странно дёрнулась, и глаза её заблестели нехорошим и неизвестным девушке светом. Впрочем, Яська сразу же подумала, что ей это показалось от бессонницы. И ещё от того, что лицо Аиды густо намазано какой-то тинной. Девушка не собиралась продолжать этот разговор, уже отправилась к выходу, когда Аида вдруг добавила:

– Будет важный юбилей. Завальный. Двадцать пять лет великому завалу. Я готовлюсь принять кое-кого важного.

– Ну да, – опять же вежливо произнесла Яська, – значит, будем варить сидр из недоспелых яблок.

И тут же забыла этот разговор. Её мучили мысли более важные, чем эти взрослые и такие далёкие от неё юбилеи.

Через час Ларик и Яська лежали на крупной гальке, больше напоминающей булыжники. Галька-булыжник прогрелась до обжигающего жара, но после купания прикосновение прохладного тела к раскалённым камням казалось даже приятным. Булыжники остужались, тела нагревались. Всё стре-

милось к золотой середине, как и положено любому существу, если оно не направлено на саморазрушение.

У Яськи к Ларику созрел очень серьёзный разговор, но она всё не могла никак его начать. Не хотелось говорить ни о чём серьёзном. А желалось беззаботно валяться на горячих камнях, как в те времена, когда они были детьми. Когда призраки исчезали от прикосновения маминой руки.

В ленивом мареве слышался голос Геры:

– Пончики, пончики, сладкие свежие пончики!

Не открывая глаз, Яська представила, как он бредёт по пляжу в неизменных резиновых шлёпанцах, припадая на правую раненую ногу. Тащит свою корзину, куда Василий Степанович, ругаясь на «бисовых детей», сложил испечённые в свежем масле кругляши, старательно посыпав сахарной пудрой. Гера всегда нёс эту пончиковую корзинку с гордым видом гладиатора, вышедшего на арену с дикими зверями. «Умри или продай все пончики» – словно выжигал в полуденном мареве его целеустремлённый взгляд.

Послышался разомлевший голос одной из многочисленных тушек, приподнявшей голову от земного шара, в который всех вокруг вдавила июльская жара:

– А кукуруза?

«Боже, какая кукуруза?» – с ужасом подумала Яська. – «Неужели кто-то ещё способен кусать и жевать?».

Гера ответил любителю экстрима основательно и жизне-
радостно:

– Кукуруза будет потом, когда все пончики съедите...

Ларик и Яська, не сговариваясь, открыли глаза, приподнялись на локтях и прыснули вслед прихрамывающему Гере. Яська тут же застыдилась:

– Человек работает, между прочим... И раненый, кстати.

А мы тут...

– Только не говори, что прохлаждаемся, – Ларик перевернул подрубившееся тело на спину, подставив солнцу впалый живот:

– Потому что это противоречит всяческой логике: прохлаждаться в такую жару. Кстати, на лень у нас есть всего полчаса. У меня клиент. О чём ты хотела со мной поговорить?

Яська вздохнула:

– Как раз о клиентах. Ларик, а ты не можешь хотя бы на время, скажем, взять отпуск?

– Чего вдруг?

– Я дозвонилась этой девушке... Вернее, не совсем ей...

– Какой девушке?

Яська удивилась, что Ларик так легкомысленно отнёсся к произошедшему накануне. Кажется, совершенно не переживал по поводу странной и нелепой смерти своего клиента. Пусть человека случайного, мимолётного, так и оставшегося безымянным для них. Но все же Ларик разговаривал с ним несколько дней назад, даже дотрагивался...

– Той девушке, которая забыла у тебя сумочку.

– А–а–а.... И что?

– Ларик, мужской голос ответил, что девушка умерла. Её действительно Евой, звали.

– Почему она умерла? – Ларик наконец-то проявил хотя бы интерес.

– Тот самый мужчина сказал: что-то с сердцем.

– Она же молодая ещё совсем...

– Это-то и странно. Мужчина сказал: неожиданный приступ, такой бывает только у людей в очень пожилом возрасте.

– Жалко, молодая, – Ларик начал одеваться.

– Отмени встречу с клиентом.

– Зачем? – он действительно не понимал.

– Ларик, два человека, которым ты набил тату в один и тот же день, мертвы.

– И что? Один захлебнулся, у второй, как ты сама сейчас сказала, больное сердце. При чём тут мои татуировки? Мне справки у всех о состоянии здоровья требовать? Я не могу отменить встречу.

– Он захлебнулся в стакане воды! Я видела это. А у Евы раньше всё в порядке было с сердцем. И почему же ты не можешь отменить встречу?

Ларик помолчал секунду, затем нехотя, словно признаваясь в чем-то постыдном, процедил:

– Не хочу. Мне нужно сделать эту татуировку.

Яська открыла было рот, но он не позволил продолжить:

– Ты не понимаешь, там такой заказ! Линии, краски, содержание... Это будет моя лебединая песня, правда. Всё

идёт к тому, что появится шедевр в мире тату.

– На веки вечные, – мрачно добавила Яська, понимая, что она не сможет переубедить его. – Аминь.

– Анубис, – уже закричал на весь пляж Ларик, не в состоянии справиться с вдохновением, постигшем его прямо посреди бескрайнего лежбища человеческих тел.

Пара голов лениво отреагировала на крик, чуть приподнявшись, и тут же головы упали на место. Остальные даже не шелохнулись, впитывая солнечные лучи.

– Это будет Анубис! На всё предплечье! Ясь, я просто вижу его. Как наяву. Это тату мне по ночам снится. Вернее, клиент назвал его как-то по-другому, но по описанию – точно Анубис. С головой шакала и телом беспощадного бога-воина.

– Ларь, а кто твой сегодняшний клиент?

Он насупился:

– Не скажу. Это тайна.

– Ладно, – сдалась Яська. – Не говори. Только собираюсь... Не злись, но я собираюсь найти клиентов, которые набивали татуировку в твоём салоне в предыдущую неделю. И это не обсуждается. Ты даёшь мне координаты. Те, которые у тебя есть.

– Ты с дуба рухнула?! Как себе это предста...

В разговор ворвался рингтон «Бесаме мучо». Ларик не любил этот «позывной», но поставить что-то другое ему было лень. А может, он не мог определиться, какая мелодия его

бы не раздражала.

Несколько секунд Ларик понимающе вслушивался в невидимого Яське собеседника, затем сказал: «Хорошо, я понимаю. Будем на связи» и повернулся к девушке.

– Сегодня твоя взяла. – Он улыбнулся. – Клиент перенёс процедуру. Я свободен. Так о чём ты говорила?

– Давай попробуем связаться со всеми людьми, которые набивали у тебя накануне татуировки. Вот о чём я говорила.

Ларик кивнул.

– А я сказал, что... О! Кстати, вон один из них! Жив-здоров. И, по-моему, в прекрасном расположении духа.

Глава шестая. Массажист появляется, но тут же исчезает навсегда

Яська стремительно обернулась, следуя за взглядом Ларика. Чуть в стороне от шипящего прибора и весёлых детей, с визгами барахтающимися в пенной полосе, расположилась белая мобильная палатка с кривоватой надписью «Массаж».

Рядом с ней на таком же белоснежном раскладном шезлонге в расслабленной позе старательно делал вид, что он совсем не дремлет, плотный и мускулистый человек. Лицо его закрывал длинный козырёк бейсболки, и Яська могла рассмотреть только накаченные руки, скрещённые на груди, и крепкие мохнатые ноги под светлыми бежевыми бриджами.

– Этот массажист? – уточнила она.

Ларик все так же жизнерадостно кивнул:

– Он самый. И если не ошибаюсь, на нём прямо сейчас заживает мой знак бесконечности.

Яська быстрыми квадратными шагами устремилась к белой палатке. Мастер еле поспевал за ней.

– Здравствуйте, – закричала она издалека.

Дремлющий тут же открыл глаза, но сразу понял, что эти стремительные люди не являются потенциальными клиентами, и лишь лениво шевельнул рукой, обозначая, что он их

отразил.

Синеволодая, как Мальвина из сказки, девушка подбежала к нему.

– Извините, у меня, наверное, странный вопрос. Вы делали... То есть кололи несколько дней назад татуировку? Вот у него!

Она устремила указующий перст в сторону плетущегося за ней Ларика.

Массажист не очень удивился. Только внимательно посмотрел на мастера, словно боялся ошибиться. И с небольшим южным акцентом произнёс:

– Точно. Делал. Колол.

Он поддел рукавчик белой футболки и показал припухшее красное пятно.

– Знак бесконечности, – с удовольствием констатировал Ларик. – Объединение начала и конца. Древняя змея Тибета Уроборос, кусающая сама себя за хвост.

– Какая змея? – массажист вывернул глаза, чтобы лучше рассмотреть татуировку. – Там же нет никакой змеи? Я хотел просто знак, этой... Бесконечности. Мы же так договаривались?

– Так и есть, – успокоил его Ларик. – Нет там змеи.

Он, отвернувшись, закатил глаза, сигналивая подруге: видишь, мол, с кем приходится работать?

– Да, у вас нет там никакой змеи. Только перевёрнутая восьмёрка, – успокоила массажиста Яська.

При слове «восьмёрка» массажист, кажется, опять занервничал.

– Бесконечность, просто бесконечность, – торопливо поправил он.

«Мальвина» кивнула:

– Меня Ясмينا зовут, а мастера – Илларион, ну это вы, наверное, и сами знаете...

Взгляд массажиста потеплел.

– Я – Карен, – взаимно представился он. – Очень приятно. А у вас ко мне... Какое-то дело?

– Верно, – тяжело вздохнула Яська. И мужественно продолжила. – Оно, как бы это сказать, странное и не совсем понятное. Вы к Иллариону какого числа приходили? Это же тринадцатого было, да? Или четырнадцатого?

Карен немного побледнел, но согласно кивнул:

– И что случилось?

Ларик исподтишка показал кулак недипломатичной Яське и попытался исправить атмосферу, которая становилась всё более нервной:

– Всё ли у вас в порядке с тату? Как заживает?

Карен с удивлением посмотрел на странную парочку:

– С каких пор татуировщики разыскивают клиентов, чтобы удостовериться, как те себя чувствуют? Всё-таки что-то случилось...

Ларик хмыкнул и выразительно посмотрел на Яську: «Сама задумала, сама и выкручивайся». Она вздохнула, отметив

про себя, как быстро друг её сдал.

– Нет, нет, не беспокойтесь. Просто мимо проходили и вас увидели. Решили поинтересоваться, раз уж вышел такой случай.

Карен успокоился:

– Да нормально! Я боялся, что хуже будет. А сколько оно ещё красным останется?

– До месяца это нормально, – ответил Ларик. – Краснота может держаться несколько недель.

Воцарилась неловкая пауза, и татуировщик решил уже прощаться, когда опять вылезла неугомонная Яська:

– Извините за любопытство, но почему именно знак бесконечности?

Массажист немного сконфузился:

– Глупо, конечно... Стыдно даже рассказывать. Но... Разговор интересный услышал. Что можно татуировкой как бы «запечатать» свои страхи. Скрыть то, что мешает жить. Одна тётка рассказывала, что подсознательные страхи есть у любого человека. Это нормально. «Чувство самосохранения», «инстинкт» – так она сказала. Но иногда в жизни что-то такое случается, и один из страхов обостряется, «выпячивается». Иногда становится настолько навязчивым, что мешает жить нормальной жизнью. Один из способов избавиться от такого состояния: «запечатать» страх в татуировку, поставить себе на кожу несмываемую защиту. Как талисман.

Яська недоуменно посмотрела на него:

– А бесконечность...

Карен хмыкнул:

– Я не то чтобы псих какой или пацан закомплексованный, просто у меня, как и всех, есть некий такой пунктик. Я – нумерофоб.

– Что?! – Яська и Ларик одновременно посмотрели на Карена.

– Нумерофобия. Боязнь чисел.

– Извините, но как это?!

Яська в первый раз слышала о подобном явлении.

– Моя психика выбирает одно число и назначает его «плохим». И я везде, где вижу это число, жду неприятностей. Телефонный номер, кредитной карты, встреча, назначенная на определенное время... Меня всё может вывести из себя. «Постоянное ожидание неприятностей, – так сказал один мой друг, – это опасно». Неврозы и депрессии.

Карен горестно вздохнул.

– Я поэтому и приезжаю сюда подработать на лето. Расслабляюсь, так как на пляже не привязан ни ко времени, ни к дате. Нет этого ужасного, испещрённого цифрами графика, как в поликлинике. Люди приходят, принимают сеанс массажа, платят и уходят. Всё.

– А знаком «бесконечность» вы пытались стереть все существующие цифры? Подчеркнуть их, так сказать, ничтожность и незначительность? – догадался Ларик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.